Автономная некоммерческая организация
по поддержке научно-исследовательской
и просветительской деятельности
«Спутник науки»

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

Том 6 | № **2 (25)** | 2026

◆ ◆ ◆

выпуск

Современное право: проблемы и тенденции

Modern Law:
Problems and Tendencies

Ростов-на-Дону — Сочи

ИЗБРАННЫЕ АВТОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Серия «Спутник высшей школы»

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

Главный редактор выпуска «Современное право: проблемы и тенденции» («Modern Law: Problems and Tendencies») —

Александр РАТЬКОВ,
доцент кафедры уголовного права и процесса Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Пильников С. Г., Ратьков А. Н.
Единый следственный орган как цель повышения эффективности предварительного расследования 4

Ратьков А. Н.
Правовое регулирование действий с итоговыми процессуальными актами предварительного расследования: проблемы и пути их решения 18

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ — ЛАУРЕАТЫ СТУДЕНЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Дегтярев В. О.
Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела 29

Касымов А. А.
О двойственности положения прокурора, обязанного осуществлять надзор за деятельностью органов предварительного расследования и уголовное преследование 34

Харченко Ю. С.
Место прокурора в системе участников уголовного судопроизводства: эволюция доктринальных подходов 38

Чепнян Д. В.
Научный руководитель: ***Легостаева Е. В.***
Роль прокурора на стадии предварительного расследования 42

Хупория Н. Р.
Научный руководитель: ***Кавшбая Л. Л.***
Организация прокурорского надзора за исполнением закона и соблюдением обоснованности отказа в возбуждении уголовного дела 45

Серова И. Д.
Научный руководитель: ***Кавшбая Л. Л.***
Понятие и правовая природа государственного обвинения: отличия частного и частно-публичного обвинения 49

В МИРЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ

Актуальные проблемы организации прокурорского надзора и судебно-следственной деятельности. ***Задаянная О. И.*** 54

Судья, правосудие в поиске справедливости. ***Поломошнова К. О.*** 58

УДК 343.98.068

Пильников С. Г.
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук, доцент, г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема:
18.06.2026

Ратьков А. Н.
доцент кафедры уголовного права и процесса
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук, доцент, г. Сочи, Россия

ЕДИНЫЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ОРГАН КАК ЦЕЛЬ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Экскурс в историю становления деятельности в виде предварительного расследования преступлений показывает, что наряду с поиском эффективной процедуры расследования шел поиск и органа, который бы смог эту деятельность качественно осуществлять. Такой поиск не утрачивал своей актуальности, как на ранних этапах нашей государственности, так и на более поздних стадиях формирования государственного устройства. Остается эта проблема актуальной и в сегодняшней России.

Ключевые слова: *предварительное расследование; уголовное судопроизводство; прокурорский надзор; история органов уголовной юстиции СССР и России.*

◆ ◆ ◆

Государственные органы, в полномочия которых входит обнаружение и пресечение совершаемых общественно опасных деяний, раскрытие и расследование преступлений, исполнение наказаний, осуществление прокурорского надзора за названными видами деятельности, рассмотрение уголовных дел в суде,— традиционно входят в систему органов уголовной юстиции. Мэтр отечественной юриспруденции В. Н. Кудрявцев так, например, определял понятие уголовной юстиции и профиль органов, к ней относящихся: «Уголовная юстиция понимается как государственные органы, к обязанностям которых относятся обнаружение совершенных преступлений, пресечение совершаемых общественно опасных деяний, установление обстоятельств и субъектов посягательства, привлечение их к уголовной ответственности, осуществление правосудия по уголовным делам, исполнение наказания и т. п. Иными словами, к уголовной юстиции относятся государственные органы, занимающиеся раскрытием и расследованием преступлений, исполнением наказания, осуществлением прокурорского надзора за перечисленными видами деятельности, рассмотрением уголовных дел в суде» [1, с. 8].

Однако для конкретных органов, входящих в эту систему, характерна «рассеянность» основных направлений их деятельности. Большинство органов кроме противодействия преступности уполномочены на ведение деятельности по выявлению, пресечению других видов правонарушений, привлечению к ответственности лиц, их совершивших, восстановление нарушенных прав, рассмотрение гражданских, административных споров, исполнение принятых по итогам рассмотрения решений, осуществление прокурорского надзора чуть ли не за всеми указанными видами деятельности и связанных с таковыми.

Например, согласно статье 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [2], деятельность полиции осуществляется по следующим основным направлениям:

1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;

2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;

3) выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;

4) розыск лиц;

5) производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;

6) обеспечение правопорядка в общественных местах;

7) обеспечение безопасности дорожного движения;

8) государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;

9) осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

Кроме того, по решению Президента Российской Федерации сотрудники полиции могут участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности (ч. 2 ст. 2 ФЗ «О полиции»).

Страдает эффективность деятельности органов уголовной юстиции в направлении противодействия преступности еще и от ведомственной разобщенности, а иногда и от противопоставления интересов различных служб. В. Н. Карагодин и А. А. Казаков в этой связи, например, замечают: «К сожалению, порядок, предусмотренный законом, и реально складывающиеся отношения между органами, являющимися элементами единой системы, в ряде случаев существенно отличаются. Казалось бы, единство задач, поставленных государством перед системой уголовной юстиции, должно способствовать укреплению делового сотрудничества между его элементами. Однако под влиянием ведомственных интересов или неправильного их понимания взаимодействие между ними нарушается. В частности, нельзя признать нормальным взаимодействие с органами оперативно-разыскной деятельности, уклоняющимися от исполнения поручений следователя. Аналогичным образом нельзя признать нормативным поведение сотрудников органов прокуратуры, считающих основной своей задачей поиск и фиксацию недостатков следствия. Представляется, что задачей надзора является обеспечение законности в ходе уголовного судопроизводства, подразумевающей полное установление обстоятельств,

подлежащих доказыванию, с соблюдением всех процессуальных гарантий и прав участников» [3, с. 23].

Поэтому на протяжении всего пути развития государства власти пытались найти или образовать орган, деятельность которого сводилась бы исключительно к сфере уголовного судопроизводства, была бы направлена только на расследование преступлений, без отвлечения на другие виды деятельности. С недавнего времени (с 15 января 2011 года) такой орган в России появился — Следственный комитет России. В соответствии с Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ [4] его основными задачами являются:

— оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;

— обеспечение законности при приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях, возбуждении уголовных дел, производстве предварительного расследования и судебной экспертизы, а также защита прав и свобод человека и гражданина;

— осуществление процессуального контроля деятельности следственных органов Следственного комитета РФ и их должностных лиц;

— организация и производство в судебно-экспертном учреждении Следственного комитета РФ судебных экспертиз, назначенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;

— организация и осуществление в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятие мер по устранению таких обстоятельств;

— осуществление в пределах своих полномочий международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;

— разработка мер по реализации государственной политики в сфере исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве;

— совершенствование нормативно-правового регулирования в установленной сфере деятельности;

— определение порядка формирования и предоставления статистических отчетов и отчетности о деятельности следственных органов и учреждений Следственного комитета РФ, процессуальном контроле (ч. 4 ст. 1 ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Однако к образованию такого органа пришли далеко не сразу. В 1988 году на тот период начальник Главного следственного управления МВД СССР В. Г. Новиков, давая интервью корреспонденту газеты «Известия» по поводу проводившегося на базе МВД СССР эксперимента с подразделениями следствия, оглядываясь на историю организации следствия в России, заметил: «Но как это ни парадоксально, за весь этот длительный период следствие так и не нашло своего стабильного пристанища. До революции следователи состояли при судах. Потом им пришлось немало «попутешествовать»: передавали то губернским судам, то Наркомюсту, то прокуратуре… С 1963 г. правом производства предварительного следствия наделены и органы внутренних дел» [5]. Да и сегодня Следственный комитет РФ не является единственным органом, осуществляющим предварительное расследование

преступлений. Наряду с ним полномочиями по расследованию уголовных дел своей подследственности обладают следственные аппараты, входящие в систему таких правоохранительных органов, как МВД РФ и ФСБ РФ. Актуальность создания единого вневедомственного органа предварительного расследования сохраняется, несмотря на то, что проблема эта далеко не нова и в недалеком прошлом, помимо просто обсуждений, проявлялась во властных распоряжениях и даже в разработке конкретных законопроектов.

Так, из специально посвященной этой проблеме литературы следует, что идея вневедомственного следственного аппарата в советское время впервые была озвучена в 1930 году М. М. Гродзинским [6, с. 25]. Затем к ее обсуждению вернулись в 1957 году. «Все началось с того, — указывают А. К. Аверченко и Д. О. Серов, — что в ходе работы шестой сессии Верховного Совета СССР IV созыва 9 февраля 1957 г. эстонский депутат Э. К. Пусэп выступил с предложением упорядочить деятельность следственных органов. По мнению депутата, разделение следствия между прокуратурой и милицией утратило смысл, и потому целесообразно сосредоточить расследование уголовных дел «в одном едином следственном органе» [7, с. 162–163].

Такое мнение было замечено учеными-процессуалистами и практическими работниками, между которыми на страницах периодических юридических изданий и в некоторых центральных газетах развернулась дискуссия о целесообразности создания такого органа.

Занимавший в это время должность начальника Главного управления милиции МВД СССР М. В. Барсуков поддержал высказанную идею и предложил создать объединенный следственный аппарат на базе МВД [8, с. 42]. Однако далеко не все были согласны с тем, что, если и создавать единый следственный орган, то, чтобы место ему было именно в системе МВД СССР. Многие сторонники такой целесообразности ратовали за его причастность к органам прокуратуры [9, с. 8–11; 10; 11, с. 19–26; 12, с. 21–25]. Еще часть специалистов видели единый следственный орган в недрах Министерства юстиции [13, с. 89–98]; другие приводили доводы в пользу возможного размещения такого обособленного следствия, как в МВД, так и в Министерстве юстиции [14, с. 115–121].

Чуть позже на монографическом и диссертационном уровнях В. А. Стремовский научно обосновал нецелесообразность концентрации следственного аппарата в МВД, прокуратуре или КГБ, выдвинув тщательно разработанное предложение о создании Следственного комитета при Совете Министров СССР [6, с. 24–26; 15, с. 63–72]. Несмотря на то, что в это же время (1969 год) практически половина следователей прокуратуры (48%) и МВД (45,9%) высказывались за организацию ведомственно самостоятельного Следственного комитета [16, с. 66], предложение В. А. Стремовского осталось незамеченным и никаких мер по его обсуждению и реализации принято не было.

Законодательный шаг, направленный на образование такого следственного органа, делается лишь в 1977 году, когда, по свидетельству С. И. Гусева, был разработан проект Положения о Государственном комитете СССР по следствию. Однако в Президиуме Верховного Совета СССР, где этот законопроект первоначально был поддержан, впоследствии его отклонили и рассматривать на сессии не стали [17, с. 275].

Разобщенность деятельности по осуществлению предварительного следствия и дознания продолжала вызывать много нареканий и чаще всего выставлялась одной из основных причин, отрицательно влияющих на качество предварительного расследования. Вновь на официальном уровне об этом заговорили на состоявшейся в 1988 году XIX Всесоюзной конференции КПСС.

Тогда в резолюции совещания «О правовой реформе» было признано целесообразным выделить следственный аппарат в самостоятельную независимую государственную структуру. В последовавших после этого комментариях в качестве «полигона» для новой государственной структуры предлагалось избрать Министерство внутренних дел СССР. Так, в передовой статье газеты «Правда», посвященной данной резолюции, указывалось, что «предлагается сосредоточить расследование основной массы уголовных дел в следственном аппарате МВД. А чтобы оградить его от влияния органов дознания, целесообразно выделить следствие в самостоятельную структуру, не подчиненную республиканским и местным органам внутренних дел» [18]. В связи с этим начались эксперименты. Для апробирования возможности создания такой структуры на базе МВД, в его системе следователей вывели из подчинения начальников органов внутренних дел всех уровней и только за Министром внутренних дел СССР оставили «власть» над следствием. Такой шаг объяснялся тем, что в подчиненности следователей органу дознания (административным начальникам милиции) заключался главный порок организации всей следственной работы. Констатировалось, что такая зависимость, по своей сути, противоречит уголовно-процессуальному закону, приводит к утверждению административно-командного стиля руководства следственными подразделениями, при котором допускаются неправомерные указания о задержаниях, обысках, арестах, то есть приказ начальника органа внутренних дел становится доминирующим над процессуальной деятельностью.

Проводившийся эксперимент подтвердил правильность и прогрессивность такого решения: главным его итогом явилось формирование фигуры следователя как процессуального руководителя расследованием. Статистика подтверждала улучшение качества расследования: если число незаконных арестов в 1988 г. сократилось по стране на 2,4%, то в экспериментальных следственных подразделениях — на 28% [17, с. 250]. Следователи искренне приветствовали готовящуюся реформу и ждали ее быстрейшего воплощения в жизнь. Однако в феврале 1989 г. эксперимент внезапно волевым решением и без всякого на то объяснения был свернут, его результатам была дана искаженная, не соответствующая действительности оценка, а практически полностью подготовленная реорганизация следствия немотивированно отвергнута. Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Известия», раздосадованный таким решением на тот период начальник Главного следственного управления МВД СССР В. Г. Новиков в качестве официальной версии прекращения эксперимента указал, во-первых, на «опасения, что обособление следственного аппарата в рамках МВД СССР нарушит целостность системы органов внутренних дел, осложнит управление подчиненными подразделениями» и, во-вторых, на то, что «все коллизии и трения, которые могут возникнуть между руководителями следственных аппаратов и органов внутренних дел, придется разрешать на самом верхнем уровне»; кроме того, он с горечью отметил: «нам высказали упрек в том,

что, «увлекшись соблюдением законности», мы отодвинули на задний план вопросы раскрытия преступлений» [19].

Наиболее часто используемый аргумент тех лет против выделения следствия из МВД: нарушение взаимодействия служб. Еще один утопический продукт ведомственной, в данном случае милицейской науки, где игнорировалось одно, но главное противоречие — руководитель (следователь) не может взаимодействовать с подчиненным (органом дознания), как не может взаимодействовать с ними также суд, прокурор. Здесь действуют принципы процессуального подчинения [20, с. 86].

Таким образом, система МВД была отвергнута как база для объединения всего следствия в «одних руках». Однако работа над созданием такого органа продолжалась, она проходила в стане народных депутатов Союзного государства, которые акцентировали внимание на необходимости создания самостоятельного, свободного от ведомственного и местного влияния следственного аппарата. 18 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял постановление № 1438–1, в котором сформулировал конкретное поручение Совету Министров СССР о внесении предложения о создании союзного Следственного комитета [21]. Во исполнение данного поручения созданная межведомственная рабочая группа специалистов к сентябрю 1990 года разработала целый ряд необходимых законопроектов: «О Следственном комитете РСФСР», «О статусе следователя», «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР», «Об ответственности за неуважение к следователю и воспрепятствование его деятельности» [7, с. 165].

Депутаты РСФСР также не оставались в стороне от этого процесса. 7 декабря 1990 г. в постановлении II Съезда народных депутатов РСФСР «О мерах по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям в РСФСР» закреплялось, например, поручение Верховному Совету РСФСР «начать работу по формированию самостоятельных органов предварительного следствия…» [22].

Суть предлагаемых реформ следственных органов РСФСР заключалась в образовании вневедомственного, единого и подотчетного непосредственно Верховному Совету РСФСР конституционного Следственного комитета РСФСР. При этом основные идеи, преследовавшиеся реформаторами, предполагали:

— сосредоточение в Следственном комитете РСФСР и его органах всех действующих следственных аппаратов МВД, КГБ и прокуратуры (включая военную) для более рационального и эффективного использования возможностей следователей в разоблачении опасных преступников, борьбе с коррупцией, теневой экономикой и другими проявлениями организованной преступности;

— упразднение дознания как самостоятельной формы расследования преступлений и расширение сферы применения протокольной формы досудебной подготовки материалов для укрепления законности и активизации борьбы с преступлениями, не представляющими большой общественной опасности;

— обеспечение реальной, а не декларированной процессуальной независимости следственных работников, полное исключение возможности вмешиваться в их деятельность; достижение на этой основе объективности и законности предварительного следствия, четкого разграничения функций, прав и обязанностей следователей и органов дознания;

— проведение единой, в строгом соответствии с действующими законами, уголовно-правовой политики на территории всей Российской Федерации, независимо от каких бы то ни было местных или ведомственных влияний; обеспечение достоверной статистики о состоянии преступности и основных показателях работы органов дознания и предварительного следствия по раскрытию и расследованию совершенных преступлений;

— освобождение органов прокуратуры от расследования уголовных дел и сосредоточение их усилий на повышении эффективности прокурорского надзора;

— создание единой базы для централизованного научно-методического и материально-технического обеспечения деятельности органов Следственного комитета РСФСР, подготовки и переподготовки следственных кадров [23, с. 77–90].

Развитие этих идей и ещё одно документальное подтверждение целесообразности создания единого следственного аппарата закрепляется в Концепции судебной реформы в РСФСР, которая была одобрена Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. В Концепции отмечается, что «разные структурные формы организации следствия… не обеспечивают единства ни в организации следственной деятельности, ни в руководстве ею, ни в ее ресурсном (материально-техническом и кадровом) обеспечении» [24, с. 63]. Предлагающийся Концепцией выход из сложившейся ситуации — создание единого следственного аппарата, организационно отделенного как от прокуратуры, так и от МВД и КГБ [24, с. 64].

Отвергли разработчики данного документа для образования следственного аппарата и другие известные государственные образования. «Включение следственного аппарата в систему Министерства юстиции, — заключают они, — привело бы к возникновению служебно-административной зависимости между следователями и судебным персоналом, находящимся в ведении этого министерства» (дело в том, что на период подготовки Концепции организационно-кадровое обеспечение деятельности судов входило в компетенцию Минюста России). При подчинении правительству или структурам президентской власти РСФСР следственный аппарат оказался бы в одном ряду с многочисленными министерствами и ведомствами, под контролем их руководителей, не всегда заинтересованных в обнажении ситуации в своей «епархии» [24, с. 64].

В итоге авторы Концепции предложили два пути формирования нового следственного аппарата: «… либо через создание Следственного комитета как службы обвинительной власти при обеспечении активности защиты в расследовании и судебном разрешении спорных или касающихся ограничения прав личности вопросов, либо посредством учреждения института следственных судей в судебном ведомстве при признании за нынешним следственным аппаратом функций вспомогательной службы прокуратуры» [24, с. 67].

Попыткой воплотить идеи Концепции судебной реформы в России можно признать разработку закона «О следственном комитете Российской Федерации», проект которого подготовила рабочая группа под руководством заместителя Председателя Комитета Верховного Совета РФ по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью Б. П. Кондрашова. Проводившиеся в это время социологические опросы показывали, что подавляющее большинство специалистов, вращающихся в сфере досудебного производства, высказывались за образование еди-

ного независимого вневедомственного органа, осуществляющего предварительное следствие. В результате опроса сотрудников правоохранительных органов за создание такого органа высказались: 92,5% представителей органов правосудия, 93,8% представителей коллегий адвокатов, 93% представителей следственных подразделений органов внутренних дел, 82,9% представителей органов прокуратуры [25, с. 234]. На этом фоне проект закона был внесен на рассмотрение в законодательный орган и на заседании Верховного Совета РФ 31 марта 1993 года был принят в первом чтении [26]. «Наконец, — свидетельствуют А. К. Аверченко и Д. О. Серов, — в первом полугодии 1993 г. проект Закона «О Следственном комитете Российской Федерации» был принят Верховным Советом России перед летними каникулами в первом чтении. …Однако драматические события октября 1993 г., роспуск Верховного Совета и последовавшие за этим политические распри, неудачи в экономической политике перечеркнули реализацию этого смелого проекта реформирования следственных органов» [7, с. 165].

Справедливости ради нельзя не отметить, что как ранее, так и теперь были и остаются противники создания такого единого государственного следственного органа. Нецелесообразность его образования ими обосновывается тем, что любые попытки объединения органов следствия сами по себе не способны привести к повышению их эффективности, поскольку функционирование такого монстра привело бы к утрате профессионализма, росту бюрократии, потере оперативности и т. п. Кроме того, со ссылкой на зарубежный опыт они отмечают, что разнообразие совершаемых правонарушений оправдывает существование в большинстве стран параллельно действующих следственных служб, находящихся при различных правоохранительных органах — министерстве юстиции, прокуратуре, судах, полиции, таможенных, налоговых, иммиграционных ведомствах [27, с. 3–4].

А. С. Александров в возможном образовании единого следственного органа видит угрозу для деятельности прокуратуры, так как, по его мнению, если у прокуратуры «отобрать» следствие, то, кто будет расследовать дела в отношении следователей, руководителей этой единой следственной службы, совершивших преступления [28, с. 38]?

В. Ф. Статкус убежден, что высокая эффективность в раскрытии и расследовании преступлений достигается тогда, когда структурная организация этой деятельности в рамках одного правоохранительного органа включает в себя оперативно-розыскную, экспертно-криминалистическую и следственную службы, а единый следственный орган будет организационно оторван от оперативно-розыскных и экспертных служб, что отрицательно скажется на этой специфической деятельности в целом [29, с. 25–26].

Предостерегают от поспешности образования единого следственного аппарата Д. Гончаров и Н. Соловьев, которые в обоснование своей позиции ссылаются на пример Казахстана, где в 1995 г. был образован Государственный следственный комитет (ГСК), который обеспечивал расследование всех категорий уголовных дел. Однако 5 ноября 1997 г. ГСК в Казахстане был упразднен, так как поспешность его создания привела к частичному разрушению существовавшей системы расследования преступлений и снижению уровня контроля государства над осуществлением единой уголовной политики [30, с. 109; 31, с. 8].

Однако, несмотря на наличие таких мнений, фиксируется очередной всплеск инициатив по созданию единого следственного аппарата — в октябре 2002 года, когда депутатами уже Государственной Думы РФ был разработан и внесен на рассмотрение парламента очередной проект федерального закона о создании в стране Федеральной службы расследований. Закон получил название «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации» [32] и предполагал объединение в новой федеральной службе аппаратов следствия, имевшихся на тот период в других правоохранительных структурах. Надо отметить, что в рассматриваемое время следственными подразделениями, помимо привычных органов прокуратуры, МВД и ФСБ, обладала еще Федеральная служба по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ФСКН). Законопроект предполагал, что Федеральная служба расследований (ФСР) должна подчиняться непосредственно президенту РФ, который назначает и смещает ее директора. В субъектах Федерации, городах и районах образуются управления и отделы ФСР, составляющие единую вертикальную структуру, в которой следователи расследуют все категории уголовных дел с возможной специализацией по отделам.

Но стать законом этому законопроекту было не суждено, поскольку по решению Совета Государственной Думы от 13 апреля 2004 г. законопроект был возвращен авторам законодательной инициативы в связи с отсутствием заключения правительства Российской Федерации [33]. А невозможность подготовки заключения вытекала из официального отзыва правительства РФ [34], который был отрицательным и обоснован тем, что по итогам рассмотрения в правительстве Российской Федерации проектов федеральных законов в связи с отсутствием в финансово-экономическом обосновании к представленным проектам необходимых расчетов дать заключение правительства Российской Федерации в соответствии с частью 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации не представляется возможным. В то же время, по мнению правительства Российской Федерации, предлагаемая реорганизация правоохранительных органов потребовала бы выделения значительного объема финансовых и материально-технических средств. Еще одно замечание сводилось к тому, что создание самостоятельной Федеральной службы расследований на тот момент представлялось руководству страны преждевременным, поскольку для этого отсутствуют необходимые экономические, правовые и социальные условия [34].

Критиковались отдельные положения этого законопроекта и в научной юридической литературе. О. Г. Дьяконова, например, не соглашалась с закрепленными в нормативном акте принципами предварительного следствия. «Система принципов предварительного следствия в ст. 4 указанного выше проекта, — замечала она, — представлена односторонне. Так, указаны только законность, независимость деятельности Федеральной службы расследований, презумпция невиновности, равенства граждан перед законом, гласности. Получается, по мнению авторов проекта, что такими принципами, как обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, право на обжалование процессуальных действий и решений, свобода оценки доказательств, органам предварительного следствия руководствоваться не следует? Считаю, что перечень должен быть полным, кроме того, в большей ча-

сти (за исключением признаков, строго регламентирующих деятельность органов правосудия) он должен совпадать с тем перечнем признаков, которые определены в главе 2 УПК РФ» [35, с. 33].

Таким образом, Федеральная служба расследований оставила свой след в истории только на бумаге.

Заметная перестройка организации предварительного расследования произошла в 2007 году. Указом Президента Российской Федерации «О создании Следственного комитета при прокуратуре» от 1 августа 2007 г. № 1004 [36] была сформирована новая структура — Следственный комитет при прокуратуре РФ (далее — Следственный комитет, СКП). Несмотря на то, что формально он существовал при прокуратуре, ему были предоставлены широкие полномочия, свидетельствующие о его обособленности и независимости от руководителей ведомства, при котором Следственный комитет был создан. В частности, Следственный комитет по статусу фактически был приравнен к самой Генеральной прокуратуре. Его глава одновременно являлся заместителем генпрокурора, однако порядок его назначения — Советом Федерации по представлению Президента России, то есть так же, как и самого Генерального прокурора, говорил о его равнозначности по должности высшему должностному лицу прокуратуры.

Данными изменениями следователи были выведены из подчинения прокурора, за которым осталось лишь «усеченное» право надзора за их деятельностью. Финансирование СКП происходило непосредственно из федерального бюджета, а не через прокуратуру, что в целом свидетельствовало об административной и финансовой независимости вновь созданного следственного органа.

Некоторые специалисты усмотрели в этом новый шаг к образованию единой службы следствия. Председатель комитета Госдумы по безопасности В. Васильев прокомментировал данные изменения следующим образом: «Создание Следственного комитета при прокуратуре России и отделение следствия от прокуратуры позволит повысить эффективность расследования уголовных дел и снизить коррупцию в правоохранительных органах» [37]. Правда, за счет чего конкретно это будет достигнуто, В. Васильев в своем комментарии не указал. Практика же показала, что такие полумеры ожидаемого эффекта не дали. В системе МВД РФ аналогичный Следственный комитет действует с 1999 г., однако расследования, проводимые следователями этой структуры как ранее, так и в настоящее время вызывают массу замечаний.

В числе откликов на образование Следственного комитета при прокуратуре РФ встретилось объяснение причин такого длительного и мучительного пути создания единого следственного аппарата, которое представляется заслуживающим внимания: в частности, Б. Яшманов в этой связи отмечает: «Долгое время муссировалась идея о создании в стране единой федеральной службы расследований, которая вобрала бы в себя следственные структуры всех ведомств, наделенных такими органами. Но ведомства, как могли, противились этому, потому что следствие — это, прежде всего, большая власть и широкие возможности в руках тех, кто им владеет» [37].

И, тем не менее, в 2011 году следственный аппарат из прокуратуры был «вырван» и в России вновь появился вневедомственный, а значит независимый след-

ственный орган — Следственный комитет РФ (далее — СК РФ, СК), основные задачи которого изложены в начале этого исследования. Независимость СК РФ подчеркивается тем, что он непосредственно подчиняется Президенту РФ, который также назначает главу этого ведомства — Председателя СК РФ. «Конституционно-правовой статус современного Следственного комитета уникален, — отмечают Л. А. Коханец и А. В. Солодовникова, — действующее законодательство напрямую не относит его ни к одной из традиционных ветвей власти, перечисленных в ст. 10 Конституции РФ. Общее руководство Следственным комитетом законодателем отнесено к прерогативам Президента Российской Федерации. Прямое подчинение главе государства определяется особым порядком назначения и освобождения от должности Председателя Следственного комитета, несущего персональную ответственность за выполнение стоящих перед этим органом задач, Президентом Российской Федерации без какого-либо одобрения органом законодательной власти, а также обязанностью Председателя ежегодного докладывать главе государства о реализации государственной политики в сфере осуществления следственной деятельности. Такой статус Следственного комитета подчеркивает его самостоятельность и независимость от других структур государственной власти» [38].

Выделение из прокуратуры в самостоятельную структуру следственного аппарата позволило наконец-то разрешить проблему совмещения в одном органе функций надзора за осуществлением предварительного следствия и производства самого предварительного следствия. По мнению А. М. Багмета и Ю. А. Цветкова, «законодатель вполне осмысленно ослабил власть прокурора и укрепил власть следователя», что позволило создать действенную систему сдержек и противовесов во взаимодействии прокурора и следователя, когда даже при потенциальной возможности разногласий и процессуальных конфликтов, складывается ситуация, вынуждающая их к сотрудничеству как к единственно возможному способу эффективной деятельности каждого из них: так, прокурор не может без следователя возбудить уголовное дело и собрать доказательства, а следователь не может без прокурора направить дело в суд и поддерживать обвинение в суде [39, с. 62].

Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин, выступая в октябре 2017 года на Международной научно-практической конференции «Следствие в России: три века в поисках концепции» и давая оценку значению образования новой государственной структуры, подчеркнул: «В конечном итоге мы, создавая новое и избавляясь от пережитков прошлого, вернулись к истокам. К тому, с чего начиналось следствие ещё в Петровской России. России модернизированной, просвещенной и ориентированной на новые ценности. Символично, что обретение Следственным комитетом самостоятельности совпало со 150-летием проведения в России судебной реформы и началом развития института досудебного расследования, когда в июне 1860 года Указом императора Александра II следственная часть была отделена от полиции (ну, а в нашем случае следствие было отделено от надзорного органа — прокуратуры). Как видите, концепция образования следственных органов и судебно-правовая реформа, основные векторы которых были заложены ещё Петром I и Александром II, творчески реализовывается уже в наше время» [40, с. 8–9].

Тем не менее ставить точку в преобразовании следственного аппарата России еще рано, поскольку Следственный комитет РФ — вневедомственный и независимый орган расследования, но не единственный, поскольку наряду с ним аналогичной деятельностью занимаются следователи МВД России и ФСБ России, но несколько в других условиях, не гарантирующих такой же независимости от административных начальников, которая достигнута в СК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцев, В. Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика: сб. научных статей / отв. ред. В. Н. Кудрявцев и А. Р. Шляхов. — Москва: Наука, 1973.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 11.05.2026).
3. Карагодин, В. Н. Органы предварительного расследования в системе уголовной юстиции / В. Н. Карагодин, А. А. Казаков // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции (г. Москва, 15 апреля 2021 года). — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021.
4. Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_108565 / (дата обращения: 02.05.2026).
5. Известия. — 1988. — 26 августа.
6. Стремовский, В. А. Сущность и участники предварительного следствия в советском уголовном процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Тбилиси, 1967.
7. Аверченко, А. К. Вневедомственный следственный аппарат России: замыслы и реальность / А. К. Аверченко, Д. О. Серов // Журнал российского права. — 2005. — № 10.
8. Барсуков, М. В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право. — 1957. — № 2.
9. Голяков, И. Т. О едином следственном аппарате и функциях Министерства юстиции // Советская юстиция. — 1957. — № 7.
10. Митричев, С. О едином следственном аппарате // Известия. — 1957. — 2 июля.
11. Строгович, М. С. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Социалистическая законность. — 1957. — № 5.
12. Бердичевский, Ф. Ю. О реорганизации предварительного следствия / Ф. Ю. Бердичевский, О. И. Чистяков // Социалистическая законность. — 1957. — № 7.
13. Бородин, С. В. К вопросу о реформе судебного управления и следственного аппарата в СССР / С. В. Бородин, А. Я. Грун // Советское государство и право. — 1957. — № 7.
14. Перлов, И. Д. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия / И. Д. Перлов, М. Ю. Рагинский // Советское государство и право. — 1957. — № 4.
15. Стремовский, В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. — Ростов-на-Дону, 1966.

16. Горский, Г. Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. — Воронеж, 1970.
17. Истина. И только истина! Пять бесед о судебно-правовой реформе / ред.-сост. — Ю. М. Хотченков; отв. ред. Ю. И. Стецовский. — Москва: Юридическая литература, 1990.
18. Правда. — 1988. — 12 июля.
19. Известия. — 1989. — 6 апреля.
20. Деришев, Ю. В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата, в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 31.
21. Ведомости СССР. — 1990. — № 17. — Ст. 278.
22. Постановление II Съезда народных депутатов РСФСР «О мерах по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям в РСФСР». — URL: https://businesspravo.ru / Docum / DocumShow_DocumID_38605.html (дата обращения: 03.05.2026).
23. Пантелеев, В. О. Единый следственный орган Российской Федерации: исторический обзор попыток образования и перспективы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ / под ред. В. В. Захарова. — Курск, 2014. — Вып. 7.
24. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. — Москва, 1992.
25. Деришев, Ю. В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ: монография. — Омск, 2003.
26. Постановление Верховного Совета РФ от 31.03.1993 № 47151 «О проекте Закона РФ «О Следственном комитете Российской Федерации»» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 15. — Ст. 527.
27. Глазырин, Ф. Реальность и мифы правовой реформы / Ф. Глазырин, В. Клейн // Российская юстиция. — 2003. — № 9.
28. Александров, А. С. Нужно ли создавать ФСР? // Законность. — 2002. — № 11.
29. Статкус, В. Ф. 150 лет следственной службе России: тенденция развития // Российский следователь. — 2010. — № 15.
30. Гончаров, Д. Ю. Самостоятельность следователя: быть или не быть? // Журнал российского права. — 2002. — № 9.
31. Соловьев, Н. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. — 2000. — № 12.
32. Проект федерального закона «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации» от 31 октября 2002 г. // https://www.yabloko.ru / Elections / 2003 / Otchet_IIIs / otchet_IIIs012.html.
33. Протокол № 19 заседания Совета Государственной Думы. 13 апреля 2004. — URL: http://sozd.parlament.gov.ru / bill / 2572223 (дата обращения: 20.01.2026).
34. Официальный отзыв Правительства РФ на проекты федеральных законов «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации», «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», «О внесении изменений и дополнений в статьи 37 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», «О внесении изменений в Федеральный закон «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»», «О вне-

сении изменений в Федеральный закон «О федеральных органах налоговой полиции»», вносимые депутатом Государственной Думы И. Ю. Артемьевым // СПС «Гарант». — URL: https://base.garant.ru / 58024859 / (дата обращения: 18.05.2026).
35. Дьяконова, О. Г. О создании единого органа по расследованию преступлений // Российский следователь. — 2010. — № 12.
36. О создании Следственного комитета при прокуратуре: указ Президента РФ от 1 августа 2007 г. № 1004 // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 32. — Ст. 4122.
37. Российская газета. — 2007. — 7 июня.
38. Коханец, Л. А. Актуальные вопросы места Следственного комитета Российской Федерации в системе органов государственной власти / Л. А. Коханец, А. В. Солодовникова // Бизнес и общество. — 2025. — № 4 (48).
39. Багмет, А. М. Сильное следствие и его противники / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков // Lex Russica. — 2015. — № 4.
40. Бастрыкин, А. И. 300 лет российского следствия // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017.

Pilnikov S. G.
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
Sochi Branch of the All-Russian State University of Law (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Candidate of Law, Associate Professor, Sochi, Russia

Ratkov A. N.
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Sochi Branch of the All-Russian State University of Law (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Candidate of Law, Associate Professor, Sochi, Russia

UNIFIED INVESTIGATIVE BODY AS A GOAL OF INCREASING EFFICIENCY PRELIMINARY INVESTIGATION

An excursion into the history of the formation of activities in the form of preliminary investigation of crimes shows that along with the search for an effective investigation procedure, there was also a search for an authority that could carry out this activity efficiently. Such a search has not lost its relevance, both in the early stages of our statehood and in the later stages of the formation of the state structure. This problem remains relevant in today's Russia.

Key words: preliminary investigation; criminal proceedings; prosecutorial supervision; history of criminal justice authorities of the USSR and Russia.

УДК 343.133

Ратьков А. Н.
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема:
30.06.2026

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ С ИТОГОВЫМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ АКТАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Автор из нескольких видов итоговых процессуальных документов, свидетельствующих о завершении предварительного расследования, в качестве основных рассматривает итоговые процессуальные акты в виде обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления, венчающие окончание, соответственно, предварительного следствия, дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме. В исследовании указывается на пробелы в регламенте действий при окончании дознания в общем порядке, на неравенство сторон обвинения и защиты при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами оконченного производством уголовного дела, обосновываются предложения по совершенствованию порядка действий с итоговыми процессуальными актами перед направлением уголовного дела в суд.

Ключевые слова: *предварительное расследование; дознание; уголовно-процессуальный документ; итоговый процессуальный акт; окончание расследования; обвинительное заключение; обвинительный акт; обвинительное постановление.*

◆ ◆ ◆

В юридической литературе под уголовно-процессуальным документом принято понимать письменный документ, составленный на основании уголовно-процессуального закона управомоченным на то субъектом в связи с осуществлением каких-либо процессуальных актов (действий или принятием решений), в котором средствами письменной речи зафиксирована информация о ходе и результатах деятельности участников уголовного процесса [1, с. 237–238]. В цитируемом источнике приводится разделяемое нами суждение о том, что в юридической науке под «актом» понимают как проявление человеческой деятельности (действие, событие), так и документ — словесное отражение этой деятельности посредством письменной речи. В связи с чем «процессуальный акт» представляет собой как раз неразрывное единство процессуального действия или решения и его удостоверительной части — процессуального документа [1, с. 238]. Отсюда приемлемым считаем употреблять в тексте настоящего исследования как синонимы понятия процессуального акта и процессуального документа.

Анализ процессуальных актов, в которых на досудебных этапах производства по уголовному делу могут формулироваться решения, завершающие производство по уголовному делу, то есть, подводящих итог предварительному расследованию, показал, что их несколько видов. Так, констатация вывода о необходимости завершения расследования содержится, например, в таких документах, как: постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера; постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия; постановление о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; постановлениях о прекращении уголовного дела (преследования) в связи с деятельным раскаянием, в связи с возмещением ущерба, вследствие акта об амнистии, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого), а также в обвинительном заключении; обвинительном акте и обвинительном постановлении.

Из системы этих документов выделяются процессуальные акты, в которых формулируется обвинение конкретному лицу (лицам) в совершении конкретных преступлений, приводятся все имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие каждый эпизод вмененной преступной деятельности, отражаются данные о лице, совершившем преступление, и потерпевшем, указываются смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства и некоторые другие сведения. Этими актами являются обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление. Именно эти документы признаются итоговыми процессуальными актами, завершающими предварительное расследование. При этом закон закрепляет за каждой формой расследования тот итоговый акт, который должен венчать его окончание. Предварительное следствие завершается составлением обвинительного заключения, дознание в общем порядке оканчивается составлением обвинительного акта, а итоговым процессуальным документом дознания в сокращенной форме является обвинительное постановление. Именно эти процессуальные акты представляют собой документы, на основании которых формируется государственное обвинение, являющееся предметом предстоящего судебного разбирательства и которое будет отстаиваться государственным обвинителем в суде. То есть, именно эти итоговые процессуальные акты влияют на движение уголовного дела, именно от них зависит законное и справедливое решение по уголовному делу. Значимость этих процессуальных актов заключается в справочно-техническом и юридическом смысле. Справочно-техническое значение состоит в том, что в обвинительном заключении, обвинительном акте и обвинительном постановлении систематизируются и анализируются материалы уголовного дела. Юридическое значение обусловлено окончательным обвинением, которое определяет пределы дальнейшего производства по делу, как по лицам, так и по фактам. В дальнейшем положение привлекаемого к уголовной ответственности лица не может быть ухудшено. Окончательное обвинение является также основой для осуществления функции защиты по уголовному делу [2, с. 235].

Уголовно-процессуальный закон регламентирует не только порядок вынесения (составления) итоговых процессуальных актов предварительного расследова-

ния, но и детализирует процедуру действий следователя и дознавателя с этими документами после окончания производства по делу. Но, если УПК РФ предписывает следователю составить обвинительное заключение после того, как с материалами оконченного производством уголовного дела будут ознакомлены потерпевший, обвиняемый и другие, имеющие на это право, участники уголовного процесса, то дознаватель вне зависимости от вида дознания итоговые документы обязан составить до предъявления материалов уголовного дела для ознакомления тем же лицам, что и следователь.

Кроме того, привлекаемое к ответственности лицо при расследовании уголовного дела в форме дознания статус обвиняемого приобретает именно с момента вынесения обвинительного акта и составления обвинительного постановления. Изучение предписываемой законом процедуры действий дознавателя с итоговыми процессуальными актами и материалами оконченного уголовного дела выявило проблему в возможности реализации обвиняемым закрепляемых за ним законом прав на этом этапе. При расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия сомнений в возможности использования обвиняемым предоставленных ему прав не возникает. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого, с момента вынесения которого лицо и становится обвиняемым, предъявляется обвиняемому в ходе следствия по уголовному делу; он знакомится с сущностью обвинения, с принадлежащими ему правами и после этого допрашивается по существу предъявленного обвинения. У обвиняемого есть возможность возражать против обвинения, обосновывать свою непричастность к инкриминируемому ему преступлению, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, реализовывать другие принадлежащие ему права, потому как предъявлением обвинения предварительное следствие не заканчивается.

Составлением обвинительного акта или обвинительного постановления дознание по уголовному делу завершается. Закон требует ознакомить обвиняемого и его защитника с обвинительным актом, обвинительным постановлением и материалами уголовного дела (ч. 2 ст. 225 и ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ). Действующая редакция ч. 2 ст. 225 УПК РФ обязывает дознавателя ознакомить обвиняемого и его защитника не только с материалами уголовного дела, но и в отличие от прежней редакции этой нормы — с обвинительным актом, о чем делается отметка в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела. Однако и в новой редакции закон, регламентирующий порядок действий при завершении дознания в общем порядке, не указывает, во-первых, срок, в течение которого обвинительный акт с момента его вынесения должен быть предъявлен обвиняемому; во-вторых, должен ли дознаватель заблаговременно предупредить обвиняемого о предъявлении ему обвинительного акта, разъяснив ему при этом право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать о его назначении в порядке ст. 50 УПК РФ (если до этого защитник не участвовал в деле); в-третьих, обязан ли дознаватель при предъявлении обвинительного акта разъяснить обвиняемому существо выдвинутого против него обвинения, принадлежащие ему процессуальные права и должен ли он (дознаватель) удостоверить этот факт (по аналогии с действиями следователя при предъявлении обвинения) в обвинительном акте подписью обвиняемого и его защитника.

Но даже если и закрепить такие требования в законе, то обвиняемый, узнав свои права после ознакомления с ними, не сможет их реализовать, так как времени для этого у него не остается. Закон предписывает, что после ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и неотъемлемой его частью — обвинительным актом, утвержденным начальником органа дознания, все материалы направляются прокурору для последующей передачи уголовного дела в суд. Воспользоваться обвиняемому имеющимися у него правами возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы и пользоваться другими правами, предоставляемыми ему ст. 47 УПК РФ, просто некогда, так как не предусматривает действующий порядок окончания дознания в общем порядке времени для этого. Тем самым нарушается требование закона, закрепленное в ч. 3 ст. 47 УПК РФ, о том, что обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Права в этом случае М. В. Сидоренко, которая утверждает, что установленная для дознания процедура вынуждает направлять дело в суд «при фактически невыясненной позиции обвиняемого по сути инкриминируемого обвинения» [3, с. 16–19].

В процессе регламентации нового вида расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания законодатель, видимо, учел отмеченные недостатки и более детально прописывает порядок действий дознавателя на этапе окончания этого варианта производства по делу. В частности, из ст. 226.7 УПК РФ следует, что не позднее трех суток со дня составления обвинительного постановления (а оно, в свою очередь, должно быть составлено не позднее десяти суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме) обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела (ч. 4). Часть 6 ст. 226.7 УПК РФ предусматривает право обвиняемого и его защитника до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела заявлять целый ряд ходатайств. Части 8 и 9 ст. 226.7 УПК РФ обязывают дознавателя в случае поступления ходатайств и необходимости их удовлетворения выполнить заявленные требования в течение двух суток со дня окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела и вновь предоставить им пересоставленное обвинительное постановление с новыми материалами уголовного дела для ознакомления. Если в течение двух суток сделать это не представляется возможным вследствие большого объема следственных и иных процессуальных действий, разрешается продлить общий срок дознания до 20 суток (ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ). В этом случае, несмотря на сжатые сроки ознакомления с материалами дела, обвиняемому все-таки предоставляется возможность и время реализовать закрепляемые за ним права.

То есть, анализ регламентированного уголовно-процессуальным законом порядка действий с итоговыми процессуальными актами при окончании предварительного расследования показывает, что при этом гарантия реализации обвиняемым закрепляемых за ним прав обеспечивается при расследовании уголовных дел в форме предварительного следствия и дознания в сокращенной форме, но не

сохраняется при производстве по уголовному делу в форме ординарного дознания. При дознании в общем порядке лицо, поставленное в положение обвиняемого, не имеет возможности реализовать принадлежащие ему права в силу отсутствия закрепленной в законе процедуры, предусматривающей необходимые для этого время и порядок действий, как обвиняемого, так и дознавателя. В этой связи представляется целесообразным порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела и обвинительным актом привести в соответствие с порядком, который установлен для завершения предварительного следствия или дознания в сокращенной форме.

Еще одна проблема также вытекает из закрепленной процедуры окончания предварительного расследования и, в частности, из требований закона об обязательном вручении обвиняемому и его защитнику копий итоговых процессуальных актов. Не оспаривается вывод о том, что итоговые документы предварительного расследования (обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление) являются венцом всей деятельности следователя и дознавателя, в которых они в систематизированном виде выкладывают все свои «козыри», добытые в процессе расследования уголовного дела. Значение этих процессуальных актов на протяжении всей истории досудебного производства остается одинаково наиболее важным. Например, в настольной книге следователя первой половины XX века значимость обвинительного заключения следователю преподносилась следующим образом: «Представляя собою сжатое, концентрированное изложение всех добытых во время следствия данных, обвинительное заключение облегчает суду и сторонам пользование, зачастую весьма обширными доказательственными материалами. […] читая обвинительное заключение, подсудимый, а также его защитник видят, к чему сводится в конечном счете обвинение, на чем фиксировало свое внимание следствие и что, стало быть, будет предметом разбирательства в суде» [4, с. 605].

Спустя почти 50 лет, авторы руководства для следователей вновь сосредотачивают их внимание на том, что обвинительное заключение — это основополагающий процессуальный акт, «в котором отражаются сложный и подчас противоречивый процесс доказывания на предварительном следствии, логика доказывания, качество проведенного расследования. Обвинительное заключение является своеобразным «отчетом» следователя о проделанной им работе по делу, по которому прокурор, а также стороны в суде и сам суд получают представление об интеллектуальном и профессиональном уровне следователя» [5, с. 74].

Несмотря на то, что в цитатах речь идет только об обвинительном заключении, такое же значение имеют и итоговые процессуальные акты дознавателя — обвинительный акт и обвинительное постановление. Этим сжатым, концентрированным изложением всех добытых во время расследования данных и следователь, и дознаватель убеждают, прежде всего, суд в правильности своих выводов по делу, опровергают доводы защиты, которые всегда имеются в деле. Интерпретация излагаемых в итоговых актах фактов и доказательств, как правило, противоположна их оценке обвиняемым и его защитником. «Развенчивая» аргументы стороны защиты, следователь и дознаватель вынуждены «выпятить» доказательность и убедительность своих выводов.

При окончании расследования в форме дознания обвиняемый и его защитник еще до приобретения обвинительным актом или обвинительным постановлением юридической силы, наступающей с утверждением этих документов прокурором, уже полностью знакомым с доказательственной базой стороны обвинения. Копия обвинительного заключения, составленного следователем, после его утверждения прокурором также вручается обвиняемому и его защитнику. То есть, сторона защиты получает возможность полностью знать позицию стороны обвинения задолго до суда. В свою очередь, доводы стороны защиты, которыми обвиняемый и его защитник намереваются опровергнуть выводы обвинения, остаются неизвестными до самого судебного разбирательства. Сторона обвинения лишена возможности подготовиться к состязанию в суде, поскольку ей не известны те аргументы, которые готовит сторона защиты для использования в судебном разбирательстве. Такое положение не позволяет согласиться с бытующим мнением о том, что на досудебных стадиях сторона обвинения представляет собой «обвинительный кулак», занесенный над обвиняемым и его защитником, которые ограничены в возможности собирания доказательств. В этом случае ограниченными, если не лишенными вообще возможности собирать доказательства, остается сторона обвинения. И если в полной мере принцип состязательности раскрывается только в судебном производстве, то и готовиться к разбирательству в суде стороны должны в одинаковых условиях. УПК РФ таких условий не предоставляет.

Вполне резонно в такой процедуре завершения предварительного расследования усмотреть неравенство сторон и ущемленность именно стороны обвинения, а не стороны защиты. Убедиться в этом помогает взгляд на процессуальное законодательство других братских России стран, в частности на аналогичную процедуру завершения предварительного следствия, закрепленную в УПК Республики Беларусь (далее — УПК РБ) [6].

По УПК РБ следователь не обязан составлять обвинительное заключение. Согласно ч. 1 ст. 260 УПК РБ, он выносит постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Обязанности приводить в этом постановлении доказательства, подтверждающие обвинение, у следователя нет. Свою доказательственную базу и результаты проверки известных доводов стороны защиты следователь излагает в справке о результатах проведенного по делу предварительного расследования. Однако данная справка не подлежит приобщению к материалам дела, а представляется только прокурору, который может использовать указанные в справке доказательства при поддержании обвинения в суде. Именно в суде сторона защиты и узнает об окончательной позиции обвинения, получая возможность опровергать доказательства обвинения своими доводами. То есть, обе «тяжущиеся» стороны остаются в равных условиях до суда и только в ходе судебного разбирательства и одна, и вторая сторона процесса узнают о конечных доводах каждой из них по существу обвинения. Такая процедура представляется предпочтительнее, поскольку более близка к принципу состязательности и равенства сторон, выступающему основой осуществления правосудия. Именно при таком регламенте действий на этапе окончания предварительного расследования можно говорить, что равенство сторон и состязательность — могучий метод познания истины, гарантия соблюдения прав и законных интересов сторон [7, с. 85].

Кроме того, анализируемый порядок ознакомления с материалами уголовного дела и направления уголовного дела прокурору без итоговых актов с изложением всех имеющихся по делу доказательств, а с отдельной и только для прокурора предназначенной итоговой справкой о доказательствах, мог бы в отечественном процессе снять еще одну проблему — проблему приобретения итоговыми процессуальными актами предварительного расследования юридической силы. Закрепленная в УПК РФ процедура действий с этими документами позволяет отдельным авторам утверждать буквально следующее: «Еще раз обращаем внимание правоприменителя, — предостерегает А. Антонов, — составления обвинительного постановления недостаточно для того, чтобы в случае производства дознания в сокращенной форме в уголовном процессе появился такой субъект, как обвиняемый. Статус обвиняемого в искомой ситуации у лица, в отношении которого составлено обвинительное постановление, появится лишь после подписания обвинительного постановления дознавателем и утверждения его же начальником органа дознания» [8]. А поскольку требования к составлению обвинительного акта такие же, следует полагать, что обвинительный акт обретает свою юридическую силу также только после утверждения его начальником органа дознания.

В подтверждение такого вывода вышеназванный автор ссылается на структуру ст. 226.7 УПК РФ, которая так построена, что сначала (ч. 2) здесь говорится об утверждении обвинительного постановления начальником органа дознания и уже только после этого — о сроках составления обвинительного постановления (ч. 3), сроках, в течение которых обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела. Еще один довод в защиту такой позиции А. Антонов видит в том, что, пока обвинительное постановление (обвинительный акт) не утверждено, оно может претерпеть какие-то изменения и, соответственно, его нельзя до этого считать окончательно оформленным («составленным», «вынесенным»); как следствие этого, его нельзя в этом виде предъявлять для ознакомления обвиняемому, его защитнику и т. п. Обвиняемый, его защитник (при наличии ходатайства — его представитель) имеют право ознакомиться с текстом обвинительного постановления (обвинительного акта) в той редакции, в которой его увидит прокурор [8].

Однако такие рассуждения приводят к тому, что эти акты не могут считаться окончательно составленными (оформленными) и после их утверждения начальником органа дознания, поскольку прокурор также уполномочен вносить в данные акты свои замечания и изменения. Прокурор при утверждении итоговых процессуальных актов дознания вправе своим постановлением исключить из них отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226, ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ). О правильности такого предположения, включая и обвинительное заключение следователя, свидетельствуют указания уголовно-процессуального закона на то, что копии обвинительного заключения (ч. 2 ст. 222 УПК РФ), обвинительного акта (ч. 3 ст. 226 УПК РФ) и обвинительного постановления (ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ) вручаются обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и его представителю именно прокурором после их утверждения. То есть законодатель наделяет рассматриваемые документы юридической силой только после их утверждения прокурором. Отсюда следует неутешительный вывод о

том, что и знакомить с итоговыми актами предварительного расследования обвиняемого, его защитника, потерпевшего и его представителя должен ни кто иной, как прокурор. А раз при дознании данные акты являются неотъемлемой частью материалов уголовного дела, то и с материалами уголовного дела этих субъектов также должен ознакомлять прокурор.

Существующая при этом недосказанность законодателя порождает предложения о том, что, вообще, составление итоговых процессуальных актов предварительного расследования необходимо вменить в обязанность прокурору. Например, Е. Б. Мизулина, выступая на парламентских слушаниях в Совете Федерации 22 апреля 2016 г., представила собравшимся свое видение реформирования уголовного судопроизводства. В частности, на тот момент сенатор высказалась за возвращение жесткого прокурорского надзора и расширение полномочий прокурора, за необходимость составления им итогового обвинительного процессуального решения по предварительному расследованию (обвинительного акта) [9, с. 11].

Изучение мнения ученых на этот счет позволяет согласиться с тем, что наделение прокурора правом «составления итогового обвинительного процессуального решения по предварительному расследованию (обвинительного акта)» представляется абсолютно утопическим. В единичных случаях ранее, когда за прокурором закреплялось такое право (п. 5 ст. 214 УПК РСФСР), он им пользовался. Причем в комментариях к УПК РСФСР разъяснялось, что прокурор лично составляет новое обвинительное заключение лишь в случаях, когда: а) отсутствует следователь (дознаватель), направивший данное дело (командировка, отпуск, болезнь и др. причины), б) прокурором принято решение выработать единый подход к оформлению данного процессуального документа [10, с. 368]. Заметим, что прокурору дозволялось на основании уже имеющегося итогового документа составить новый акт. Ожидать, что прокурор будет «с нуля» составлять итоговые обвинительные акты по каждому поступившему к нему уголовному делу — обманывать себя. По действующему УПК РФ прокурору для изучения поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела отводится 10 суток, а в случае его сложности или большого объема этот срок может быть продлен вышестоящим прокурором до 30 суток (части 1 и 1.1 ст. 221 УПК РФ). Если же после этого прокурору нужно будет самому еще и составить обвинительное заключение, то ему дополнительно потребуется не один день, что отрицательно скажется на разумности сроков уголовного судопроизводства. Фактически в случае закрепления за прокурором таких полномочий проект итогового документа будут готовить те же следователи и дознаватели, только от имени прокурора, которому по-прежнему останется лишь подписать этот процессуальный акт и направить дело в суд. То есть такое предложение заведомо порождает необходимость фальсификации процессуальных решений, что вряд ли можно признать допустимым. Приведенная выше процедура окончания предварительного расследования, закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, устраняет существующую сегодня в УПК РФ проблему, как соблюдения принципа состязательности на этом этапе, так и момента приобретения итоговыми процессуальными актами юридической силы.

Исключение необходимости составления по окончании дознания обвинительного акта и обвинительного постановления потребует введения в процедуру расследования в форме дознания обязанности составления процессуального документа, аналогичного постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, с момента вынесения которого и при дознании привлекаемое к уголовной ответственности лицо будет приобретать статус обвиняемого.

Таким образом, представляется, что совершенствованию правового регулирования действий с итоговыми процессуальными актами предварительного расследования способствовало бы:

— во-первых, приведение процедуры ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и итоговыми процессуальными актами дознания в общем порядке и в сокращенной форме к единому знаменателю и установление порядка, присущего по действующему УПК РФ для окончания дознания в сокращенной форме;

— во-вторых, исключение неравенства сторон при окончании производства по уголовному делу, когда сторона защиты до судебного разбирательства обладает полным знанием о доводах стороны обвинения, а прокурор лишен возможности знать позицию защиты до начала судебного процесса, чему способствовало бы упразднение обязанности следователя и дознавателя знакомить обвиняемого и его защитника с содержанием итоговых процессуальных актов предварительного расследования, вместо которых прокурору вне материалов уголовного дела представлялась бы итоговая справка по делу с приведением всех имеющихся в деле доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение.

Такой порядок, и это, в-третьих, позволил бы снять проблему определения момента приобретения обвинительным заключением, обвинительными актом и постановлением юридической силы, которая сегодня связывается или с подписью под этими документами следователя и дознавателя, или с подписями на этих документах, соответственно, руководителя следственного органа или начальника органа дознания, или с моментом утверждения рассматриваемых актов прокурором. При этом целесообразным представляется структуру итоговой справки привести в соответствие с действующими требованиями к составлению итоговых процессуальных актов предварительного расследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тертышник, В. М. Уголовный процесс: учебное пособие. — Харьков: Арсис, 1997. — 528 с.
2. Смирнов, А. В. Уголовный процесс. Авторский курс: учебное пособие / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — Москва: Эксмо, 2022. — 368 с.
3. Сидоренко, М. В. Коллизии процессуальной формы доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. — 2017. — № 2. — С. 16–19.
4. Настольная книга следователя. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1949. — 880 с.
5. Руководство для следователей / под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. — Москва: ИНФРА-М, 1997. — 732 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 23 янв. 2022 г. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. — 448 с.
7. Григорьев. В. Н. Уголовный процесс: учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. — Москва: Эксмо, 2005. — 832 с.
8. Антонов, А. Окончание производства дознания и составление обвинительного акта (постановления). — URL: https://pravo163.ru/obvinitelnoe-postanovlenie (дата обращения: 17.10.25).
9. Качалова, О. В. Уголовному процессу обещают перемены // Уголовный процесс. — 2016. — № 6. — С. 9–13.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко; под ред. В. Т. Томина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 1999. — 730 с.

Ratkov A. N.
Candidate of Law, Associate Professor,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

LEGAL REGULATION OF ACTIONS WITH FINAL PROCEDURAL ACTS OF PRELIMINARY INVESTIGATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The author, from several types of final procedural documents evidencing the completion of a preliminary investigation, considers as the main ones the final procedural acts in the form of an indictment, an indictment in an inquiry, and a resolution to prosecute as an indictment, which crown the completion of, respectively, a preliminary investigation, an inquiry in the general procedure, and an inquiry in an abbreviated form. The study points out gaps in the regulations governing actions upon the completion of an inquiry in the general procedure, highlights the inequality of the prosecution and defense when the accused and their defense counsel review the materials of the completed criminal case, and substantiates proposals for improving the procedure for handling final procedural acts before referring a criminal case to court.

Key words: preliminary investigation; inquiry; criminal procedural document; final procedural act; completion of investigation; indictment; indictment in an inquiry; resolution to prosecute as an indictment.

Научные работы — лауреаты студенческих конференций

УДК 343.13

Дегтярев В. О.
магистрант,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема:
24.06.2026

СООТНОШЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье исследуются вопросы соотношения судебного контроля и прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела. Проанализированы правовая природа и назначение указанных процессуальных институтов, рассмотрены особенности их реализации в уголовном процессе Российской Федерации. Сделан вывод о том, что судебный контроль и прокурорский надзор являются самостоятельными правовыми механизмами обеспечения законности, однако объективность рассмотрения уголовного дела судом страдает из-за отсутствия в законе запрета для судьи принимать участие в разбирательстве уголовного дела, если он выполнял функцию судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *уголовный процесс; прокурор; суд; судебный контроль; прокурорский надзор; досудебное производство; возбуждение уголовного дела; законность; защита прав участников уголовного судопроизводства.*

◆ ◆ ◆

Несмотря на продолжающиеся в уголовно-процессуальной доктрине споры о целесообразности сохранения в процедуре производства по уголовному делу самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела, она прочно занимает свое место в системе стадий уголовного процесса, и законодатель неоднократно возвращался к уточнению регламента действий на этом этапе производства по делу. В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве закреплен наиболее подробный за всю его историю порядок действий на этой начальной стадии уголовного судопроизводства, который нельзя признать четким и последовательным, отвечающим другим требованиям этого же законодательства, но он действует, и за законностью действий и принимаемых решений на этом этапе призван в первую очередь надзирать прокурор. За судом законодатель также сохранил полномочия по контролю за действиями и решениями соответствующих субъектов уголовного процесса, наделенных правом разрешения вопросов о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, система гарантий принятия соответствующего закону решения на стадии возбуждения уголовного дела представляется весьма убедительной, поскольку, помимо ведомственного контроля со стороны руководителя следствен-

ного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, проверку правильности действий и принятых решений осуществляет прокурор (в рамках надзора за органами предварительного следствия и дознания) и суд (в рамках судебного контроля за законностью действий и решений на досудебных стадиях уголовного процесса).

Прокурорский надзор — это самостоятельное направление деятельности прокуратуры, направленное на обеспечение исполнения требований уголовно-процессуального законодательства органами дознания и предварительного следствия. Для обеспечения качественного надзора на рассматриваемом этапе деятельности ст. 37 УПК РФ уполномочивает прокурора проверять исполнение требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с процессуальным законом. Прокурор вправе также отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в установленном УПК РФ порядке.

Нормы УПК РФ отдельно оговаривают полномочия прокурора на рассматриваемом этапе производства, позволяющие ему передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами о подследственности, изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передавать его (их) следователю Следственного комитета РФ с указанием оснований такой передачи (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). То есть, есть все основания полагать, что прокурор наделен достаточным объемом полномочий, позволяющих ему обеспечить надлежащую проверку поступившей информации о совершенном или готовящемся преступлении и добиться принятия законного и обоснованного решения на стадии возбуждения уголовного дела.

Под судебным контролем чаще всего понимается основанная на уголовно-процессуальном законодательстве разновидность контрольной юридической деятельности, осуществляемой судом в рамках установленных процедур в целях проверки соответствия действий и решений органов предварительного следствия и дознания, прокурора требованиям закона и правам граждан (организаций), и предполагающая активное вмешательство суда, оформляемое судебными актами [1, с. 52]. При более детальном подходе к целям судебного контроля в досудебном производстве относят:

1) устранение нарушений уголовно-процессуального закона;

2) обеспечение соблюдения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц;

3) восстановление нарушенных прав и свобод граждан в досудебном производстве.

Несмотря на единую цель, — обеспечение законности в уголовном судопроизводстве, традиционно считается, что судебный контроль и прокурорский надзор обладают различной правовой природой. По мнению, например, Е. Ю. Алонцевой, судебный контроль выступает, прежде всего, гарантией судебной защиты прав личности, тогда как прокурорский надзор направлен на предупреждение и своевременное устранение нарушений закона в деятельности органов предварительного расследования [2, с. 104].

Нельзя не согласиться с таким различием, проводимым между этими видами контрольной деятельности: в том отношении, что прокурор осуществляет постоянный надзор за законностью процессуальной деятельности дознавателя и следователя, тогда как судебный контроль носит эпизодический характер и осуществляется лишь в случаях, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Применительно к стадии возбуждения уголовного дела контрольная функция суда проявляется лишь в том случае, когда в суд в порядке ст. 125 УПК РФ обжалуется решение о возбуждении уголовного дела или же решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Можно предположить, что в суд в этом случае могут быть обжалованы также незаконные, с точки зрения заявителя, действия соответствующих лиц, произведенные в процессе проверки сообщения о преступлении. Но в итоге обжалование этих действий будет связано с их результатом — неправильно принятым решением по результатам проверки.

Не исключено, что принимаемые на этом этапе уголовного судопроизводства решения способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, что и является основанием для проверки судом жалоб на такие решения (ч. 1 ст. 125 УПК РФ). При этом, например, ч. 7 ст. 148 УПК РФ предписывает: признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, судья выносит соответствующее постановление, направляет его для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания и уведомляет об этом заявителя. Часть 5 ст. 125 УПК РФ подсказывает, о каком постановлении в данном случае идет речь. По результатам рассмотрения жалобы — гласит эта норма — судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

Но, если суд признает принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, это означает, что суд констатирует наличие в проверяемом деянии признаков определенного состава преступления. Тогда, как в этой ситуации быть с непредвзятостью суда, с его нейтральным положением в системе участников уголовного судопроизводства?

Добиваясь незаинтересованности суда в исходе дела, законодатель давно оберегает его от возможной предвзятости. В свое время суд был освобожден от обязанности возбуждения уголовного дела в случае выявления в ходе судебного разбирательства новых фактов совершения преступлений; был изменен порядок начала судебного следствия, когда право оглашать обвинение от суда перешло к прокуро-

ру и т. п. Все ради того, чтобы исключить даже мысль о заблаговременной констатации судом факта совершения конкретным лицом преступления или согласии суда с обвинением. Со временем, получается, законодатель отошел от такого стремления, поскольку сегодня рассмотрение судьей процессуальных вопросов на досудебных стадиях стало нормой. И хотя Конституционный суд РФ настаивает на том, что при осуществлении контроля за законностью и обоснованностью предпринимаемых следователями, дознавателями и прокурорами действий и принимаемых решений на досудебных стадиях суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела [3]; соблюсти эти требования, исходя из приведенных предписаний закона, затруднительно, если не сказать, невозможно.

Связанность судьи принятым решением на досудебных стадиях уголовного процесса, как констатируют авторитетные процессуалисты, не может не проявиться при рассмотрении уголовного дела по существу. Например, Ю. К. Якимович замечает, что судебный контроль в досудебном производстве, безусловно, необходим. Но при осуществлении его в таком объеме и такой форме, как он предусмотрен действующим УПК РФ, судья, по существу, вольно или невольно превращается во второго прокурора и еще одного «начальника» следователя. Судья в этой ситуации становится «заложником» принимаемых им в досудебном производстве решений, и есть реальные опасения, что он может из беспристрастного арбитра, разрешающего спор между сторонами обвинения и защиты, превратиться в своеобразный придаток обвинительной власти [4, с. 151–152].

А такие ученые, как В. Н. Григорьев, А. В. Победкин и В. Н. Яшин, обращают внимание на то, что серьезные сомнения в возможности суда объективно рассматривать уголовное дело высказывались даже тогда, когда решения по этому делу на досудебном производстве принимал не сам судья, рассматривающий уголовное дело по существу, а коллега по судейскому корпусу. Действующий порядок дозволений, склонны думать они, грозит опасностью полной дискредитации самой идеи судебного порядка принятия решений в ходе досудебного производства [5, с. 144–145].

Если оглянуться назад, то можно отметить, что в первоначальной редакции ст. 63 УПК РФ «Недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела» предусматривался запрет на участие судьи в рассмотрении уголовного дела, если он принимал решение о заключении под стражу или продлении сроков содержания под стражей. На причину отмены такого запрета указывает С. С. Цыганенко: «Данное изменение положений УПК РФ, принятое в 2003 году, носит характер вынужденности, связанный с нехваткой достаточного количества судей в районных судах» [6, с. 213]. То есть, не соображения процедурного обеспечения объективности и непредвзятости суда, а невозможность преодолеть организационные трудности позволяют законодателю закрыть глаза и не замечать порядка, явным образом негативно влияющего на правосудность судебного решения.

В рассмотренном порядке обеспечения законности принимаемых на стадии возбуждения уголовного дела решений можно усмотреть излишнее нагромождение проверяющих инстанций, однако ратовать за изменение устоявшейся процедуры бесперспективно. Представляется, что в настоящее время наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации могут стать незначительные изменения законо-

дательства, возвращающие запрет осуществлять судебное разбирательство уголовного дела тому же судье, который по этому делу принимал решения на досудебных стадиях. Недостатки в организации судебной деятельности в этом случае не должны рассматриваться как препятствие к возвращению здравого смысла в процедуру судебного контроля. Прокурорский надзор, как представляется, удачно вписывается в систему гарантий принятия законных решений на первой стадии уголовного процесса и объем полномочий прокурора достаточен для обеспечения эффективного надзора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Максуров, А. А. Понятие судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса // Правопорядок: история, теория, практика. — 2019. — № 3 (22).
2. Алонцева, Е. Ю. Судебный контроль за процессуальными решениями следователя: сущность и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2024. — № 1.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 116, 211, 218, 219 и 220 УПК РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда РФ и жалобами ряда граждан// Российская газета. — 2003. — 13 января.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю. К. Якимович. — Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
5. Григорьев, В. Н. Уголовный процесс / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин: учебник. — Москва: Эксмо, 2005.
6. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под. ред. Ю. А. Ляхова. — Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2008 (автор соответствующей главы — С. С. Цыганенко).

Degtyarev V. O.
Master's student, Sochi Branch of the All-Russian State University of Law
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

THE RATIO OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AND JUDICIAL CONTROL AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

The article examines the relationship between judicial control and prosecutorial supervision at the stage of criminal proceedings. The legal nature and purpose of these procedural institutions are analyzed, and the specifics of their implementation in the criminal process of the Russian Federation are considered. It is concluded that judicial control and prosecutorial supervision are independent legal mechanisms for ensuring legality, however, the objectivity of the consideration of a criminal case by the court suffers due to the absence of a prohibition in the law for a judge to participate in the proceedings of a criminal case if he performed the function of judicial control at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Key words: criminal procedure; prosecutor; court; judicial control; prosecutorial supervision; pre-trial proceedings; initiation of criminal proceedings; legality; protection of the rights of participants in criminal proceedings.

УДК 343.133

Касымов А. А.
студент, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема: 18.06.2026

О ДВОЙСТВЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА, ОБЯЗАННОГО ОСУЩЕСТВЛЯТЬ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Современная модель уголовного судопроизводства Российской Федерации закрепляет за прокурором особое, во многом уникальное положение. С одной стороны, он осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, с другой — реализует функцию уголовного преследования от имени государства. Такая конструкция порождает научную и практическую проблему, которую можно обозначить как двойственность, или дуализм процессуального статуса прокурора. Рассмотрению подходов к разрешению этой проблемы посвящена данная статья.

Ключевые слова: *прокурорский надзор; уголовное судопроизводство; процессуальный статус прокурора.*

◆ ◆ ◆

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) относит прокурора к участникам уголовного процесса со стороны обвинения, наделяя его полномочиями осуществлять от имени государства не только уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, но и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ст. 37 УПК) [1]. Федеральный закон «О прокуратуре» также уполномочивает прокурора среди других видов надзора осуществлять надзор за исполнением законов органами, производящими дознание и предварительное следствие, а также уголовное преследование (ч. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре») [2].

Ключевым понятием в рассматриваемой теме выступает уголовное преследование. Определение понятия «уголовное преследование» закреплено в п. 55 ст. 5 УПК РФ: «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Однако в научной литературе доктором юридических наук, профессором Юрием Григорьевичем Торбиным было предложено альтернативное определение уголовного преследования, в соответствии с которым это «вид уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой уполномоченными государством отдельными участниками уголовного судопроизводства, направленной на собирание, проверку и оценку сведений, достаточных для обличения лица в совершении им преступле-

ния и назначения ему уголовного наказания» [7, с. 278–279]. Помимо этого, в ст. 6 УПК РФ подчеркивается, что именно уголовное преследование, как и отказ от его осуществления отвечает назначению уголовного судопроизводства.

При этом, как подчеркивает Ю. Г. Торбин, сама по себе надзорная функция традиционна и исторически присуща прокуратуре, тогда как функция уголовного преследования является более поздним и дискуссионным элементом.

Анализируя понятие уголовного преследования, предложенное Ю. Г. Торбиным, следует обратить внимание на наличие в нем таких специфических понятий, как собирание, проверка, оценка сведений и обличение лица в совершении им преступления. На практике данные функции реализуются следователем и дознавателем, а не прокурором. В научной литературе присутствует мнение о том, что содержание компетенции прокурора в рамках уголовного преследования, осуществляемого им на досудебных стадиях, то есть на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, смешивается с полномочиями по осуществлению надзора за органами дознания и предварительного следствия (см., к примеру, публикации А. Н. Ратькова [6, с. 251]).

Помимо этого п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уполномочивает прокурора «выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства». Иными словами, прокурор не сам осуществляет уголовное преследование, а лишь «просит» органы следствия или дознания решить вопрос об этом и, при наличии на то оснований, начать его.

Важно отметить иллюзию ведущей роли прокурора в уголовном преследовании. Формально законодатель ставит прокурора в центр уголовного преследования. Так, ст. 21 и ст. 37 УПК РФ возлагают его осуществление, прежде всего, на прокурора. Однако это положение носит скорее декларативный характер, поскольку реальные полномочия прокурора были существенно ограничены после реформы уголовно-процессуального законодательства, произведенного Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ, когда, в частности:

— прокурор был лишен права возбуждать уголовные дела;

— прокурор более не вправе осуществлять расследование;

— прокурор более не вправе давать обязательные к исполнению указания следователю;

— прокурор отныне не принимает ключевые процессуальные решения [3].

Следовательно, прокурор лишь формально является субъектом уголовного преследования, но фактически его не осуществляет в полном смысле этого понятия.

В двойственности положения прокурора наблюдается функциональный конфликт, заключающийся в том, что совмещение надзорной и обвинительной функций объективно невозможно без ущерба для одной из них. Если прокурор осуществляет надзор, то он должен быть объективным и беспристрастным. Однако, если же он поддерживает обвинение, то его деятельность приобретает обвинительный уклон. Осуществляя уголовное преследование, прокурор объективно теряет возможность осуществлять свои надзорные функции. При этом есть мнение, что, несмотря на изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, произошедшие в 2007 году, прокурор всё еще остается стержневой фигурой публичного обви-

нения, пусть и в измененной форме. Так, прокурор, действуя от имени государства, придает преследованию официальный характер. И даже после осуществленных реформ его согласие в «скрытом» виде сохраняется (через контроль и отмену решений). Возбуждение дела фактически становится окончательным после проверки соответствующих материалов прокурором, что подтверждает сохранение его значимости в рамках уголовного процесса [4].

Изучив несколько доктринальных позиций, нами были сделаны выводы о наличии нормативно-функционального разрыва в организации уголовного процесса. Уголовное преследование раньше являлось частью деятельности прокурора, когда прокуратура в лице следователей этого ведомства осуществляла предварительное расследование преступлений. Сейчас уголовное преследование — это деятельность органов следствия под контролем прокурора. Произошел переход от модели «прокурор-преследователь» к модели «прокурор-контролер».

Иными словами, прокурор на сегодняшний день является контролером, гарантом публичности и инициатором возбуждения уголовного дела, но лишь в отдельных случаях. Непосредственным субъектом уголовного преследования на данный момент он не является. Произошло это путем реформы 2007 года, когда прокурор утратил ключевые инструменты непосредственного осуществления уголовного преследования, что привело к трансформации его роли в сторону надзорной деятельности.

В результате формируются предпосылки двойственности его процессуального положения: прокурор одновременно рассматривается и как субъект обвинения и как гарант законности, что порождает внутреннее противоречие уголовного судопроизводства. Для решения данного противоречия Ю. Г. Торбин, например, считает необходимым исключить прокурора из числа участников со стороны обвинения, освободив его тем самым от обязанности осуществлять уголовное преследование, оставив исполнение данной функции, как это и предусмотрено УПК РФ, за следователем и дознавателем. По мнению Ю. Г. Торбина, прокурор в уголовном судопроизводстве должен выполнять лишь надзорные, правоохранительные и правозащитные функции, ибо, выступая в качестве должностного лица, осуществляющего уголовное преследование и поддерживающего государственное обвинение, он объективно теряет возможность осуществлять надзорные и правоохранительные функции, поскольку его деятельность приобретает — хотим мы этого или нет — обвинительный характер. Право прокурора отказаться от поддержания обвинения на практике реализуется крайне редко из-за сложности процедуры согласования решения в силу иерархического строения органов прокуратуры [7, с. 282]. На наш взгляд, доктринальная позиция Юрия Григорьевича Торбина имеет хорошую правоприменительную перспективу в случае введения на ее основе коррективов в уголовно-процессуальное законодательство.

Таким образом, с учетом позиции Ю. Г. Торбина и ряда других исследователей, представляется целесообразным, что прокурор в современной модели уголовного процесса фактически не осуществляет уголовное преследование в материальном смысле, а обеспечивает его законность, обоснованность и публичный характер. Поэтому для устранения внутренней антиномии в уголовно-процессуальном законодательстве представляется обоснованным исключить прокурора из числа участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 02.06.2026).
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202–1 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=ms3kisy3jd100515739 (дата обращения: 02.06.2026).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ (последняя редакция).//СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/(дата обращения: 02.06.2026).
4. Аширбекова, М. Т. Новое законодательство и роль прокурора в публичном уголовном преследовании // Уголовное право. — 2007. — № 6. — С. 66–69.
5. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 480 с.
6. Ратьков, А. Н. Содержание процессуальной деятельности прокурора при осуществлении уголовного преследования / Актуальные проблемы права в XXI веке: сб. ст. Всерос. науч.- практ. конф. — Москва, 2012. — С. 251–253.
7. Торбин, Ю. Г. Размышления о роли прокурора в уголовном преследовании // Развитие государства и права в России и в мире: сборник трудов Международной научно-практической конференции «VI Сочинские юридические чтения» (г. Сочи, 24–25 мая 2024 года) / отв. ред. И. А. Иванников; Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России). — Москва: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — 3,6 Мб. — 30 экз. — ISBN 978–5-00220–283–6. — С. 274–283.

Kasymov A. A.
Student, Sochi Branch of the All-Russian State University of Law
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

ON THE AMBIVALENCE OF THE POSITION OF THE PROSECUTOR, WHO IS OBLIGED TO CARRY OUT SUPERVISION MONITORING OF THE ACTIVITIES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES AND CRIMINAL PROSECUTION

The modern model of criminal proceedings in the Russian Federation assigns a special, in many ways unique position to the prosecutor. On the one hand, he oversees the procedural activities of the preliminary investigation bodies, on the other hand, he implements the function of criminal prosecution on behalf of the State. This construction creates a scientific and practical problem, which can be described as duality, or dualism of the procedural status of the prosecutor. This article is devoted to the consideration of approaches to solving this problem.

Key words: prosecutorial supervision; criminal proceedings; procedural status of the prosecutor.

УДК 343.13

Харченко Ю. С.
студентка, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема: 18.06.2026

МЕСТО ПРОКУРОРА В СИСТЕМЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

В юридической науке на протяжении длительного времени сохраняется устойчивый интерес к проблеме определения места прокурора в системе участников уголовного судопроизводства. Это обусловлено тем, что его правовой статус формировался и переосмысливался в рамках различных научных концепций, отражающих изменения в понимании целей и задач уголовного процесса. Современное нормативное закрепление статуса прокурора свидетельствует о его сложной правовой природе. В статье анализируется особое место прокуратуры в системе государственных органов власти.

Ключевые слова: *прокуратура; прокурор; уголовное судопроизводство.*

◆ ◆ ◆

В соответствии со ст. 129 Конституции Российской Федерации [1] прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов.

В советский период в отечественной традиции уголовного судопроизводства сложилось представление о прокуроре как о центральной фигуре, обеспечивающей законность на всех стадиях процесса. Его роль определялась не через участие в состязании сторон, а через функцию общего надзора за соблюдением законов. В работах А. Я. Вышинского подчеркивалось, что прокуратура выступает инструментом государства, защищающим общественные интересы и обеспечивающим правопорядок [5, с. 12–14].

Такие ученые, как М. С. Строгович и П. С. Элькинд рассматривали прокурора прежде всего как гаранта законности. Он участвовал в уголовном процессе не только для поддержания обвинения, но и для того, чтобы следствие и суд действовали правильно и в рамках закона. Поэтому прокурор занимал особое положение и считался особой стороной процесса [8, с. 189].

Наиболее значимой роль прокурора была на стадии предварительного расследования, где его полномочия фактически выходили за рамки простого надзора и приобретали характер процессуального руководства. Как указывал Р. Д. Рахунов, прокурор не только контролировал законность действий следователя, но и оказывал непосредственное влияние на направление и содержание расследования. Про-

курор обладал правом давать следователю обязательные для исполнения указания, касающиеся как общего направления расследования, так и проведения конкретных следственных действий [7, с. 232]. Это означало, что он мог определять, какие доказательства необходимо собрать, каких лиц допросить, какие версии подлежат проверке. В случае несогласия с прокурором следователь не обладал реальными механизмами противодействия таким указаниям, что существенно ограничивало его процессуальную самостоятельность.

Кроме того, прокурор имел право отменять незаконные или необоснованные решения следователя, в том числе постановления о возбуждении или прекращении уголовного дела, а также изымать дело из производства одного следователя и передавать его другому. Такие полномочия усиливали его влияние на ход расследования и позволяли корректировать деятельность следственных органов. Фактически складывалась ситуация, при которой следователь выступал исполнителем, а прокурор — субъектом, определяющим стратегию уголовного преследования [6, с. 34].

Несмотря на формальное закрепление самостоятельности следователя, его деятельность находилась в рамках жесткого прокурорского контроля. Это обеспечивало единство правоприменительной практики и полноценную реализацию государственной политики в сфере борьбы с преступностью, однако одновременно приводило к концентрации значительных полномочий в руках прокурора и ослаблению процессуальных гарантий независимости следствия. Такое положение объяснялось особенностями правовой системы СССР, в которой государство рассматривалось как выразитель интересов общества, а законность — как средство реализации государственной политики. Поэтому объединение у прокурора различных функций не считалось недостатком, а воспринималось как необходимое условие эффективного функционирования правовой системы.

Существенным этапом в эволюции статуса прокурора стала реформа 2007 года, в результате которой произошло институциональное отделение следственных органов от прокуратуры. Данное изменение повлекло утрату прокурором функций процессуального руководства предварительным расследованием и усиление самостоятельности следственных органов. В этих условиях роль прокурора трансформировалась из субъекта, непосредственно определяющего ход расследования, в орган, осуществляющий надзор за его законностью.

В постсоветский период и в современной юридической науке подходы к определению места прокурора существенно изменились и приобрели более дифференцированный характер. Современное законодательство закрепляет двойственную природу его статуса. Так, в соответствии со ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] прокурор осуществляет уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Данные положения конкретизируются в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2], который закрепляет основные направления деятельности прокуратуры и её надзорные полномочия.

Существенным проявлением трансформации статуса прокурора стало лишение его права самостоятельно возбуждать уголовные дела. В действующем

уголовно-процессуальном законодательстве данное полномочие закреплено за следователем и дознавателем (ст. 146 УПК РФ), тогда как прокурор осуществляет надзор за законностью принятия соответствующих решений. Он вправе отменять незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлять материалы для решения вопроса о его возбуждении, однако не принимает такое решение самостоятельно. Это свидетельствует о снижении уровня его процессуального влияния на стадии предварительного расследования и о стремлении законодателя к более четкому разграничению функций участников уголовного судопроизводства.

Современные ученые, такие как П. А. Лупинская и Л. В. Головко, критически оценивают советскую модель, указывая на чрезмерную концентрацию полномочий у прокурора и несоответствие такого положения современным представлениям о распределении процессуальных функций. По их мнению, совмещение надзорных и обвинительных полномочий затрудняет четкое определение процессуальной роли прокурора и порождает внутренние противоречия в его статусе [4, с. 12–14].

В современной доктрине сформировалось несколько основных подходов к определению места прокурора.

Согласно одному из них, прокурор должен рассматриваться как участник стороны обвинения, осуществляющий уголовное преследование от имени государства. Данная позиция ориентирована на более явное разграничение функций в уголовном процессе и ограничение надзорного вмешательства прокурора.

Другой подход предполагает сохранение за прокурором статуса особого участника уголовного судопроизводства. В рамках данной концепции он рассматривается не только как обвинитель, но и как субъект, обеспечивающий законность и защиту публичных интересов. Сторонники данной позиции подчеркивают, что отказ от надзорной функции может привести к снижению уровня гарантий законности.

Наряду с этим в научной литературе высказывается и более радикальная точка зрения, согласно которой роль прокурора как самостоятельного участника уголовного судопроизводства должна быть пересмотрена. Представители данного подхода указывают на взаимное дублирование функций прокурором и органами предварительного расследования и предлагают ограничить участие прокурора рамками поддержания государственного обвинения в суде либо перераспределить часть его полномочий.

Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что полное исключение прокурора из уголовного процесса невозможно, поскольку именно он обеспечивает контроль за законностью деятельности органов расследования и представляет публичные интересы государства.

Таким образом, современная юридическая наука не выработала единого подхода к определению места прокурора. Его статус остается сложным, а существующие доктринальные позиции отражают различные направления развития уголовно-процессуальной теории. Эволюция взглядов свидетельствует о переходе от модели доминирующего положения прокурора к более сбалансированному пониманию его роли, однако окончательное разрешение данного вопроса продолжает оставаться предметом научной дискуссии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.05.2026).
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 47. — ст. 4472 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 10.05.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921 // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.05.2026).
4. Вернов, А. С. Проблема организации и функционирования советской прокуратуры в отечественной историко-правовой науке // СибСкрипт. — 2015. — №4–2 (64). — С. 182–185.
5. Вышинский, А. Я. Советская прокуратура и ее задачи. — Москва: Советское законодательство, 1934. — С. 12–14.
6. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.09 / Н. Н. Ковтун; Нижегор. акад. МВД России. — Нижний Новгород, 2002. — 59 с.
7. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Всесоюз. ин-т юрид. наук. — Москва: Госюриздат, 1961. — 277 с.
8. Строгович, М.С. Уголовный процесс ВКВШ при СНК СССР: утв. в качестве учебника для юрид. высш. учеб. заведений. — Москва: Юриздат, 1940. — 310 с.

Kharchenko Y. S.
student, Sochi Branch of the All-Russian State University of Law
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

THE PROSECUTOR'S PLACE IN THE SYSTEM OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: EVOLUTION OF DOCTRINAL APPROACHES

For a long time, legal science has maintained a steady interest in the problem of determining the prosecutor's place in the system of participants in criminal proceedings. This is due to the fact that his legal status has been shaped and reinterpreted within the framework of various scientific concepts reflecting changes in the understanding of the goals and objectives of the criminal process. The modern regulatory consolidation of the prosecutor's status indicates its complex legal nature. The article analyzes the special place of the prosecutor's office in the system of state authorities.

Key words: prosecutor's office; prosecutor; criminal proceedings.

УДК 343.13

Чепнян Д. В.
студент, Сочинский институт (филиал) РУДН им. Патриса Лумумбы
г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема: 18.06.2026

Научный руководитель: ***Легостаева Е. В.***
доцент кафедры гражданского права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы, г. Сочи, Россия

РОЛЬ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Прокурор является одним из центральных участников уголовного процесса, так как он выполняет множество разных функций, как на стадии расследования, так и при рассмотрении уголовного дела судом. В соответствии со ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ прокурором является должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Статья посвящена рассмотрению специфики полномочий прокурора с учетом актуального состояния уголовно-процессуальной практики.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; досудебное производство по делу; дознание; предварительное следствие; прокурор; полномочия прокурора.*

◆ ◆ ◆

Ключевым отличием в полномочиях прокурора относительно дознания и предварительного следствия является возможность давать письменные указания дознавателю о направлении расследования, производстве отдельных процессуальных действий [1]. Это прямо закреплено в п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Например, прокурор может указать дознавателю на необходимость проведения экспертизы того или иного характера, допроса определенного свидетеля, избрания меры пресечения и т. д. В отношении дознания полномочия прокурора шире, чем в отношении предварительного следствия: дознавателю он может давать более конкретные указания и отменять практически все решения. За предварительным следствием прокурор в основном осуществляет надзор и реагирует на уже принятые следователем решения, а не руководит следствием непосредственно. В отношении следователя подобные полномочия принадлежат руководителю следственного органа, прокурор же не вправе вмешиваться в ход следствия напрямую.

Ограниченность полномочий прокурора в отношении предварительного следствия проявляется в том, что он может реагировать преимущественно постфактум, после принятия следователем процессуального решения. Прокурор проверяет законность и обоснованность постановлений следователя и в случае выявления нарушений вправе отменить их, вернуть уголовное дело для производства дополнительного следствия, дать указания об устранении выявленных нарушений руководителю следственного органа.

В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор, в частности, уполномочен:

1) проверять исполнение требований законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;

4) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

5) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

6) истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ [2].

Полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства оканчиваются после принятия решения по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением, что выражается в утверждении им обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, либо возвращения уголовного дела для дополнительного расследования.

Таким образом, надзор прокурора за предварительным следствием по сравнению с надзором за осуществлением дознания имеет ограниченный характер. Если при производстве дознания прокурор вправе выявлять и отменять любые незаконные решения органа дознания и дознавателя, то при производстве предварительного следствия у него таких полномочий нет. Осуществляя надзор за предварительным следствием, прокурор не вправе давать следователю указания, направлять ход следствия, отменять незаконные решения следователя, давать согласие на прекращение уголовного дела.

Акты прокурорского реагирования в уголовном судопроизводстве по существу реализуемых полномочий предполагают письменную форму. Они всегда индивидуальны, обращены к должностным лицам органов дознания или предвари-

тельного следствия. Важнейшее требование, предъявляемое к содержанию актов прокурорского надзора, состоит в юридическом обосновании и точной, соответствующей полномочиям прокурора, формулировке его предложений.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что прокурор не руководит непосредственно следствием, а контролирует его законность и обоснованность на основе вынесенных следователем решений. Прокурорский надзор за досудебным производством и руководство уголовным преследованием лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, при осуществлении предварительного расследования объединены общим назначением. Прокурор, осуществляя надзор за точным и единообразным исполнением законов органами следствия и дознания, одновременно реализует свои полномочия по руководству уголовным преследованием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коршунова, А. М. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия // Мировая наука. — 2018. — № 8 (17). — С. 35–41.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Парламентская газета. — 2001. — № 241–242.

Chepnyan D. V.
student, Sochi Institute (branch) RUDN University named after Patrice Lumumba,
Sochi, Russia

Academic supervisor: **Legostaeva E. V.**
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Sochi Institute (branch) of the Patrice Lumumba RUDN University, Sochi, Russia

THE ROLE OF THE PROSECUTOR AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

The prosecutor is one of the central participants in the criminal process, as he performs many different functions, both at the stage of investigation and during the consideration of a criminal case by the court. 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a prosecutor is an official authorized, within the limits of his competence, to carry out criminal prosecution on behalf of the state during criminal proceedings, as well as supervision of the procedural activities of the bodies of inquiry and the bodies of preliminary investigation. The article is devoted to the consideration of the specifics of the prosecutor's powers, taking into account the current state of criminal procedure practice.

Key words: criminal proceedings; pre-trial proceedings; inquiry; preliminary investigation; prosecutor; powers of the prosecutor.

УДК 343.13

Хупория Н. Р.
студент, Сочинский государственный университет,
г. Сочи, Россия,

© 2026
Дата приема:
24.06.2026

Научный руководитель: ***Кавшбая Л. Л.***
кандидат юридических наук, доцент
Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНА И СОБЛЮДЕНИЕМ ОБОСНОВАННОСТИ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Отказ в возбуждении уголовного дела представляет собой одно из возможных правомерных решений, которое принимается после рассмотрения поступивших сообщений о совершенном противоправном деянии. Такое решение должно быть законным, так как выступает гарантией соблюдения прав и свобод человека от неправомерного уголовного преследования. Статья посвящена проблемные аспектам, связанным с обоснованием отказа в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: *прокурорский надзор; отказ в возбуждении уголовного дела; права и свободы гражданина.*

◆ ◆ ◆

Неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела может помешать потерпевшему от преступления защитить свои права. В случае, если лицо, совершившее преступление, останется безнаказанным, существует риск того, что в обществе может возникнуть недоверие к правоохранительным органам.

Защита прав и свобод человека от необоснованного обвинения должна начинаться уже на первой досудебной стадии уголовного процесса.

Только обоснованный, а также законный отказ в возбуждении уголовного дела может гарантировать защиту прав и законных интересов человека от необоснованного преследования со стороны правоохранительных органов.

Граждане, к сожалению, при обращении с заявлением в правоохранительные органы о возбуждении уголовного дела сталкиваются с необоснованным отказом в его возбуждении [1, с. 29].

Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела можно разделить на следующие виды:

— когда постановление вынесено по результатам полноценно проведенной проверки, которая позволила установить отсутствие признаков состава преступления;

— когда сотрудники правоохранительных органов по разным причинам не успели провести в установленный законом трехдневный или 10-дневный срок полноценную проверку.

В следственной практике встречаются случаи, когда следователь отказывает в возбуждении уголовного дела, а прокурор отменяет данное постановление и направляет его на дополнительную проверку.

В случае, если прокурор обнаружит нарушения при проведении проверки процессуальных решений следователя или дознавателя, он может сделать вывод о том, что проверка заявления о возбуждении уголовного дела была проведена не в полном объеме.

Отмена незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел возможна только в случае их обжалования или при осуществлении прокурорского надзора [2, с. 3].

Отказ в возбуждении уголовного воспринимается Конституционным судом РФ «как лишение возможности получения потерпевшим судебной защиты своих прав и законных интересов» [3] (см. также Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год).

Одна из наиболее актуальных проблем, локализующихся в стадии возбуждения уголовного дела, связана с проверкой законности и обоснованности решений об отказе в возбуждении уголовного дела прокурором.

Наиболее распространенными нарушениями прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела являются принятие необоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии очевидных признаков преступления, фальсификация материалов проверок.

В обзорах практики прокурорского надзора неоднократно отмечалось, что при приеме, регистрации, разрешении заявлений и сообщений о преступлениях допускаются нарушения законодательства, причины которых кроются в недостатках организации прокурорского надзора [4].

Следует отметить, что прокурорские работники в своем распоряжении имеют методические пособия, посвященные вопросам прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях [5, с. 96].

Анализ практики прокурорского надзора за исполнением требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах предварительного следствия в Краснодарском крае и в целом по России показал, что количество выявляемых нарушений законов в сфере уголовно-правовой регистрации преступлений продолжает оставаться значительным.

В 2024 году прокурором Прикубанского административного округа в Краснодаре был выявлен факт укрытия преступления сотрудником полиции. Прокурором округа материалы проверки в отношении сотрудника полиции были направлены в следственный орган Следственного комитета России. Было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Расследование по данному факту было взято на контроль прокуратурой [6].

В 2023 году Прокуратурой Калининского района Краснодарского края была проведена проверка на предмет соблюдения законодательства в деятельности ОМВД России по Калининскому району.

В ходе проверки прокурором был выявлен материал, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту хищения имущества.

Несмотря на наличие поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, сотрудниками полиции меры не были приняты.

Прокурор постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменил, материал был направлен начальнику ОМВД России по Калининскому району Краснодарского края для проведения дополнительной проверки, по результатам которой было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ [7].

В связи с вышеизложенным для повышения эффективности прокурорского надзора представляется необходимым наделение прокурора правом на самостоятельное возбуждение уголовного дела.

Законодатель в механизме прокурорского реагирования на незаконные и необоснованные решения органов предварительного расследования уже предусмотрел в ч. 6 ст. 148 УПК РФ право самостоятельно отменять решение об отказе в возбуждении уголовного дела с направлением материалов на дополнительную проверку, а также право возбуждать уголовные дела и (или) прекращать их. Считаем, что необходимо контролировать практическое применение данного законодательного положения.

Для повышения эффективности прокурорского надзора именно в рамках стадии возбуждения уголовного дела важно придать ему превентивный характер, то есть установить на законодательном уровне правило об отказе в возбуждении уголовного дела с согласия прокурора или об утверждении прокурором соответствующего постановления следователя (дознавателя).

Следует, однако, признать, что в целом уголовно-процессуальным законодательством в настоящее время постепенно конкретизируется и усиливается надзорная функция прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Климович, Л. П. Специальные знания как средство формирования адвокатом правовой позиции защиты / Л. П. Климович, Н. Г. Логинова, И. И. Кривоколеско // Адвокатская практика. — 2021. — № 6.
2. Калашников, В. С. Правовые последствия отказа в возбуждении уголовного дела: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук/12.00.09. — Екатеринбург, 2010.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 2, 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1, 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросом Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска».
4. Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях в следственных органах от 14 июня 2018 г. № 36–30–2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2026).

5. Агутин, А. В. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях / А. В. Агутин, Г. Л. Куликова: учебное пособие. — Москва, 2016.
6. В Краснодаре прокурором выявлен факт укрытия преступления сотрудником полиции // Официальный сайт Прокуратуры Краснодарского края. — URL: https://epp.genproc.gov.ru. (дата обращения: 02.05.2026).
7. Прокуратурой Калининского района восстановлено в учете преступление против собственности // Официальный сайт Прокуратуры Краснодарского края. — URL: https://epp.genproc.gov.ru. (дата обращения: 02.05.2026).

Khuporia N. R.
student, Sochi State University, Sochi, Russia,

Scientific supervisor: **Kavshbaya L. L.**
Candidate of Law, Assoc Professor, Sochi State University, Sochi, Russia

ORGANIZATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION ENFORCEMENT OF THE LAW AND COMPLIANCE WITH THE VALIDITY OF THE REFUSAL IN INITIATING A CRIMINAL CASE

The refusal to initiate criminal proceedings is one of the possible legitimate decisions that is made after reviewing the reports received about the illegal act committed. Such a decision must be lawful, as it guarantees the observance of human rights and freedoms from unlawful criminal prosecution. The article is devoted to problematic aspects related to the justification of the refusal to initiate criminal proceedings.

Key words: prosecutorial supervision; refusal to initiate criminal proceedings; rights and freedoms of a citizen.

УДК 343.13

Серова И. Д.
студентка, Сочинский государственный университет,
г. Сочи, Россия

© 2026
Дата приема:
24.06.2026

Научный руководитель: ***Кавшбая Л. Л.***
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,
Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ: ОТЛИЧИЯ ЧАСТНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

Актуальность темы исследования обусловлена наличием законодательных противоречий деятельности государственного обвинителя. Наличие коллизий между общими и специальными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регламентирующими участие прокурора в судебном разбирательстве, создает правовую неопределенность и затрудняет реализацию принципа состязательности.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальный кодекс; общие нормы; специальные нормы; обвинительное заключение; государственное обвинение.*

◆ ◆ ◆

Вопросы правовой природы государственного обвинения и его отличия от частного и частно-публичного обвинения рассматривались в работах ряда авторов. Однако, как показывает анализ публикаций, многие из выявленных еще в середине 2000-х годов коллизий сохраняются в действующем УПК РФ и по сей день, что свидетельствует о необходимости их дальнейшего исследования [2, с. 1].

Понятие обвинения закреплено в п. 22 ст. 5 УПК РФ. Как следует из анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ, любое обвинение должно быть сформулировано четко и недвусмысленно, а его изменение в суде допустимо лишь в сторону, не ухудшающей положение подсудимого [6, с. 53].

Государственное обвинение представляет собой разновидность обвинения, обладающую качественной спецификой. В соответствии с п. 6 ст. 5 УПК РФ государственный обвинитель — это поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры.

Именно утверждение обвинительного заключения прокурором знаменует собой трансформацию обвинения из предварительного в государственное. По общему правилу, участие государственного обвинителя обязательно в судебном разбирательстве по делам публичного и частно-публичного обвинения (ч. 2 ст. 246 УПК РФ) [2, с. 1].

Основная проблема, подлежащая разрешению в рамках настоящей статьи, заключается в выявлении коллизий между общими нормами УПК РФ о государственном обвинении и специальными нормами, регламентирующими производство у мировой судьи, а также в определении границ полномочий государственного обвинителя по делам частного и частно-публичного обвинения.

Правовая природа государственного обвинения раскрывается через его сущностные характеристики. Согласно ч. 6 ст. 37 УПК РФ, прокурор в ходе судебного разбирательства поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Однако в судебной практике нередко возникают коллизии между требованиями законности и справедливости, когда формально законное решение вступает в противоречие с внутренним убеждением судьи или присяжных заседателей [4, с. 1]. В таких случаях особая ответственность ложится на государственного обвинителя, который должен не только доказать вину, но и предложить суду справедливую меру наказания.

Принципиальное отличие частного обвинения от государственного заключается в механизме его возбуждения, порядке поддержания и основаниях прекращения. Дела частного обвинения, перечисленные в ч. 1 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего и подлежат прекращению за примирением сторон в порядке ст. 25 УПК РФ [2, с. 1]. Потерпевший в делах частного обвинения самостоятельно выполняет функцию обвинения, а прокурор в таких делах участия не принимает, за исключением случаев, прямо предусмотренных ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ.

В ходе анализа уголовно-процессуального законодательства выявлена следующая коллизия, напрямую влияющая на понимание сущности государственного обвинения: согласно ч. 3 ст. 246 УПК РФ, по уголовным делам частного обвинения обвинение в судебном разбирательстве должен поддерживать потерпевший. Однако в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ обвинение в судебном заседании по делам, подсудным мировому судье, поддерживает государственный обвинитель в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ.

Как обоснованно отмечает В. Балакшин, это означает, что государственный обвинитель в определенных случаях обязан поддерживать обвинение не только по делам публичного и частно-публичного обвинения, но и по делам частного обвинения. Однако, следуя буквальному смыслу анализируемых норм, если уголовное дело частного обвинения возбуждено на основании заявления потерпевшего, не находящегося в зависимом состоянии, то в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ государственный обвинитель поддерживать обвинение не может, поскольку специальная норма имеет приоритет перед общей [2, с. 2–3].

Применительно к выявленной коллизии между ч. 3 ст. 246 и п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ наиболее эффективным способом является внесение изменений в законодательство.

Как отмечает Н. А. Колоколов, коллизии законодательных, интерпретационных и правоприменительных актов улавливаются не сразу, поскольку они разделены во времени, идеологией законодателя и правоприменителя [4, с. 2].

В качестве способа устранения выявленной коллизии предлагается внести изменения в п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ, изложив в следующей редакции: «Обвинение в судебном заседании поддерживают: 1) государственный обвинитель — по всем делам публичного и частно-публичного обвинения, а также по делам частного обвинения в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 и частью третьей статьи 318 настоящего Кодекса» [2, с. 3]. Данное предложение представляется обоснованным, поскольку оно устраняет противоречие между общей и специальной нормами, не нарушая логики законодательного регулирования.

Особого внимания в контексте анализа государственного обвинения заслуживает институт отказа государственного обвинителя от обвинения. В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части. Это полномочие — яркое проявление принципа состязательности, превращающее прокурора из «надзирателя» за законностью в равноправную сторону процесса, которая несет риск неудачного доказывания.

Как демонстрирует судебная практика, прокурор не вправе настаивать на обвинении при отсутствии достаточных доказательств, подтверждающих вину подсудимого. Эта правовая позиция неоднократно подчеркивалась Пленумом Верховного Суда РФ, который разъяснил, что отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивированным и основанным на результатах судебного следствия, а не на внутреннем убеждении прокурора, противоречащем материалам дела [4, с. 1].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие научно обоснованные выводы.

1. Государственное обвинение — это форма реализации публичного уголовного преследования, при которой обвинение от имени государства поддерживает прокурор, утвердивший обвинительное заключение и обязанный доказывать виновность подсудимого в суде в условиях состязательности. Сущностными признаками государственного обвинения являются: публичный характер, обязательность его поддержки прокурором, невозможность прекращения по воле потерпевшего, а также уникальное полномочие прокурора на мотивированный отказ от обвинения.

2. Отличие государственного обвинения от частного осуществляется по трем ключевым критериям: по основанию возбуждения (государственное — независимо от воли потерпевшего, частное — только по заявлению потерпевшего), по субъекту поддержания (государственное — прокурор, частное — потерпевший) и по возможности прекращения за примирением сторон (государственное — ограниченно, частное — на любой стадии).

3. Частно-публичное обвинение сочетает в себе частное начало на стадии возбуждения (обязательное заявление потерпевшего) и публичное начало на стадии судебного разбирательства (обязательное участие прокурора).

4. В уголовно-процессуальном законодательстве выявлена коллизия между ч. 3 ст. 246 УПК РФ, возлагающей поддержание обвинения по делам частного обвинения на потерпевшего и п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ, где допускается участие государственного обвинителя по делам частного обвинения в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ. Для устранения данной коллизии предложено внести изменения в п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ, распространив полномочия государственного обвинителя на все дела публичного и частно-публичного обвинения, а также на дела частного обвинения, возбужденные прокурором при отсутствии заявления потерпевшего.

5. Совершенствование законодательства должно идти по пути устранения выявленных коллизий между общими и специальными нормами УПК РФ с целью обеспечения единообразия судебной практики и реализации принципа состязательности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балакшин, В. С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе — кто он? // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-obvinitel-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse-kto-on (дата обращения: 04.05.2026).
2. Бахта, А. С. Разрешение коллизий, возникающих в ходе применения норм уголовно-процессуального права // Научный портал МВД России. — 2011. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razreshenie-kolliziy-voznikayuschih-v-hode-primeneniya-norm-ugolovno-protsessualnogo-prava (дата обращения: 04.05.2026).
3. Колоколов, Н. А. Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов в судебной практике // КиберЛенинка. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-zakonodatelnyh-interpretatsionnyh-pravoprimenitelnyh-aktov-v-sudebnoy-praktike (дата обращения: 11.04.2026).
4. Головачук, О. С. Соотношение УПК РФ и других нормативных актов: закон, теория, правовые позиции Конституционного Суда РФ и судебная практика/О. С. Головачук, А. Д. Прошляков // Вестник Самарского университета. Юриспруденция. — 2019. — Т. 5, № 4. — С. 51–57. — URL: https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/7586 (дата обращения: 11.04.2026).

Serova I. D.
student, Sochi State University, Sochi, Russia

Scientific supervisor: **Kavshbaya L. L.**
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,
Sochi State University, Sochi, Russia

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF PUBLIC PROSECUTION: DIFFERENCES BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC-PRIVATE PROSECUTION

The relevance of the research topic is due to the presence of legislative contradictions in the activities of the public prosecutor. The existence of conflicts between the general and special norms of

the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF) governing the prosecutor's participation in court proceedings creates legal uncertainty and makes it difficult to implement the principle of competition.

Key words: code of Criminal Procedure; general norms; special norms; indictment; state prosecution.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5 мая 2026 года кафедрой уголовного права и процесса Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) совместно с активом Студенческого научного общества организован и проведен Межвузовский студенческий круглый стол на тему «Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью: становление, состояние, перспективы совершенствования». Обсудить историю развития и современное состояние прокурорского надзора за наиважнейшей сферой государственной деятельности в Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России) приехали студенты из Сочинского государственного университета и Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы. От организаторов круглого стола в научных дебатах приняли участие студенты 2-го, 3-го и 4-го курсов очной формы обучения и магистранты первого года обучения по программе «Судебно-следственная деятельность».

◆ ◆ ◆

В состав модераторов круглого стола вошли представители всех учебных заведений — участников мероприятия, в частности: **Марина Геннадьевна Князькова**, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса Сочинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; **Елена Владимировна Леонтьева**, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сочинского филиала РУДН (являющаяся действующим сотрудником прокуратуры Краснодарского края), а также прибывший из Москвы для проведения сессии магистрантов руководитель магистерской программы **Юрий Григорьевич Торбин**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, также в прошлом имевший непосредственное отношение к службе в прокуратуре и долгое время проработавший в научно-исследовательском институте Генеральной прокуратуры РФ.

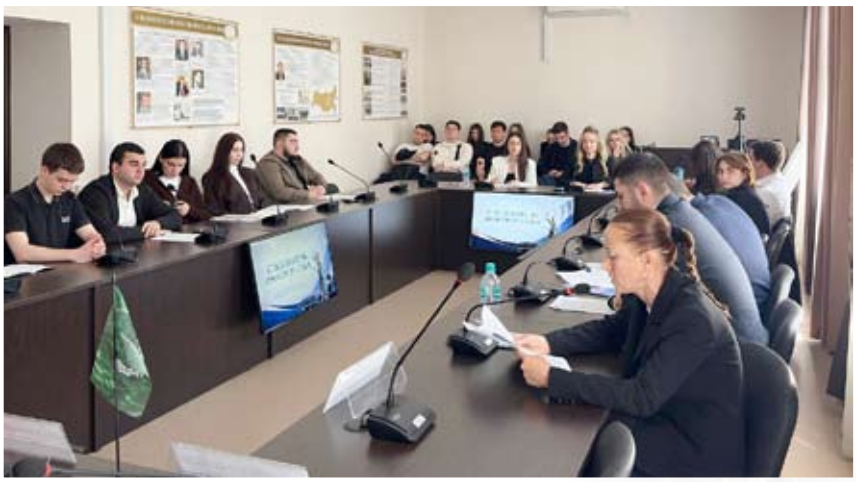
Непосредственно работой круглого стола руководил **Александр Николаевич Ратьков**, доцент кафедры уголовного права и процесса Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент.

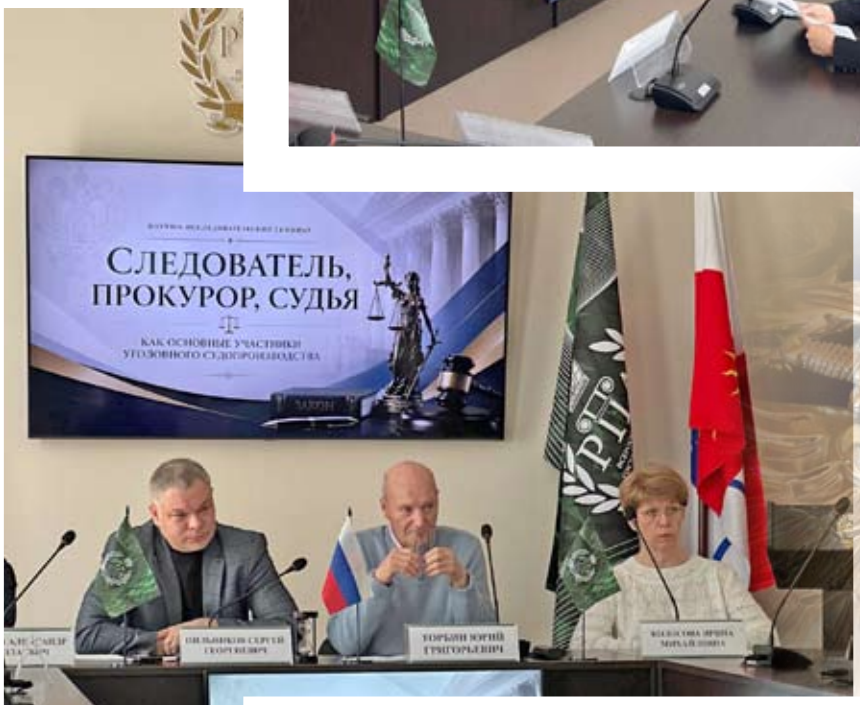
По итогам обсуждения различных сфер прокурорского надзора в области уголовно-процессуальной деятельности руководители секции определили лучшие доклады.

Дипломом I степени был удостоен доклад, подготовленный студентом 2-го курса Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) **Артемием Касымовым**.

Межвузовский студенческий «Круглый стол» на тему:
«ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: СТАНОВЛЕНИЕ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ»
РПА

РПА




СЛЕДОВАТЕЛЬ,
ПРОКУРОР, СУДЬЯ
КАК ОСНОВНЫЕ УЧАСТНИКИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ПРОКУРАТУРЕ
РОССИЙСКОЙ

Дипломы II степени были вручены **Давиду Чепнян**, студенту 3-го курса бакалавриата Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы и **Никите Хупория**, студенту 3-го курса бакалавриата Сочинского государственного университета.

Обладателями дипломов III степени стали **Юлия Харченко**, студентка 3-го курса Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) и **Ирина Серова**, студентка 2-го курса бакалавриата Сочинского государственного университета.

Организаторы круглого стола выразили благодарность преподавателям, подготовившим студентов к выступлению, и особо отметили декана юридического факультета Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы **Елену Владимировну Легостаеву**, которая приняла участие в работе круглого стола вместе с заинтересованными в обсуждаемой тематике представителями профессорско-преподавательского состава юридического факультета.

◆ ◆ ◆

6 мая 2026 года кафедрой уголовного права и процесса Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) для магистрантов первого и второго годов обучения (по направлению подготовки «Судебно-следственная деятельность») был организован и проведен ставший уже традиционным научно-исследовательский семинар. Тема семинара была определена с учетом тематики научных исследований магистрантов — «Следователь, прокурор, судья как основные участники уголовного судопроизводства».

Магистранты выступили с научными сообщениями по итогам выполненных исследований. В представительный президиум семинара вошли: руководитель магистерской программы, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор **Ю. Г. Торбин**; заведующая этой же кафедрой, кандидат юридических наук, доцент **И. М. Колосова**, доцент кафедры уголовного права и процесса Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), к. ю.н., доцент **А. Н. Ратьков**. Руководил работой семинара заведующий кафедрой Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) **С. Г. Пильников**, кандидат юридических наук, доцент.

Особый интерес и активное обсуждение вызвали доклады магистрантов второго года обучения — **Миланы Кайтуковой** (на тему «Нужны ли присяжные заседатели в современном уголовном судопроизводстве России?») и **Арсена Кочаряна** (на тему «Следователь-криминалист как участник уголовного судопроизводства: дискуссионные вопросы теории и практики уголовного процесса»).

Представители головного вуза высоко оценили качество представленных научных исследований и умение обучающихся обосновано аргументировать свою позицию.

О. И. Задаянная, заведующая криминалистической лабораторией,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)

СУДЬЯ, ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

18 июня (в г. Владимире) и 2 июля 2026 года (в г. Ростове-на-Дону) состоялись два этапа научно-практического мероприятия — круглого стола «Судья, правосудие в поиске справедливости (памяти председателя Первого арбитражного апелляционного суда А. Н. Бондаря)», организованного Научно-образовательным центром судебного конституционализма Южного федерального университета и Владимирским филиалом Президентской академии РАНХиГС.

◆ ◆ ◆

В научном мероприятии приняли участие:

— в рамках первого этапа в (г. Владимире): губернатор Владимирской области **А. А. Авдеев**; врио начальника Управления МВД России по Владимирской области **П. А. Бузин**; и. о. председателя Первого арбитражного апелляционного суда **А. И. Вечканов**; прокурор Владимирской области **И. В. Грибов**; начальник Владимирского юридического института ФСИН России **А. А. Кочетов**; руководитель следственного управления Следственного комитета России по Владимирской области **А. А. Кулаков**; начальник Главного управления МЧС России по Владимирской области А. В. Купин; начальник УФСБ России по Владимирской области **А. Б. Лимарев**; председатель Владимирского гарнизонного военного суда **М. В. Максименко;** начальник Управления Росгвардии по Владимирской области **А. М. Медведев**; руководитель Управления Федеральной службы судебных приставов по Владимирской области **Е. Б. Парафонова**; ректор Владимирского государственного университета **А. М. Саралидзе**, депутаты Законодательного Собрания Владимирской области, представители региональных министерств и ведомств;

— в рамках второго этапа (в г. Ростове-на-Дону):, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, к. ю.н., доцент **А. Н. Сачков**; декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), д. ю.н., профессор **А. Н. Позднышов**; руководитель проектного офиса Союза российских городов, д. э.н., профессор **Г. Н. Дончевский**; научный руководитель Института социологии и регионоведения, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований ЮФУ, д. филос. н., профессор **Ю. Г. Волков**; работники кафедры теории и истории государства и права ЮФУ — **Е. А. Казачанская** (к. ю.н., доцент), **Н. Г. Шимбарева** (к. ю.н., доцент), **Н. А. Фальшина** (к. ю.н.), а также кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФУ — **Е. Ю. Фролова** (к. ю.н., доцент) и кафедры конституционализма ЮФУ — **Т. П. Георгиева** (к. ю.н., доцент), **М. А. Абрамова** (к. ю.н.), **Д. А. Алимов** (к. ю.н.), **В. В. Жело** (к. ю.н., доцент), **Е. В. Микулина** (к. ю.н.), **Е. А. Филимонова** (к. ю.н.), представители органов государственной власти и научно-образовательных учреждений Юга России.

ФОТООБЗОР ПЕРВОГО ЭТАПА (ВО ВЛАДИМИРЕ) КРУГЛОГО СТОЛА **«СУДЬЯ, ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ (ПАМЯТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕРВОГО АРБИТРАЖНОГО АПЕЛЛЯЦИОННОГО СУДА А. Н. БОНДАРЯ)»**

Модераторами круглого стола выступили В. Ю. Картухин, директор Владимирского филиала РАНХиГС, заместитель председателя Законодательного Собрания Владимирской области, к. ю.н., доцент; Н. С. Бондарь, заведующий Центром судебного права ИЗиСП при Правительстве РФ, руководитель НОЦ судебного конституционализма ЮФУ, заведующий кафедрой конституционализма ЮФУ, д. ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ; И. П. Зиновьев, декан юридического факультета Южного федерального университета, к. ю.н., доцент; А. В. Москалев, судья Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону в почетной отставке, экс-председатель Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратились О. Н. Хохлова, председатель Законодательного Собрания Владимирской области; митрополит Владимирский и Суздальский Никандр; Л. Н. Агеева, заместитель председателя Арбитражного суда г. Москвы, председатель административной коллегии; А. Г. Китова, заместитель председателя Арбитражного суда города Москвы; О. Г. Мишаков, председатель Арбитражного суда Ростовской области; А. С. Косачев, заместитель председателя Законодательного Собрания Ростовской области — председатель комитета по законодательству, государственному строительству и правопорядку; И. К. Шевченко, ректор Южного федерального университета, д. э.н.

В ходе работы круглого стола участники мероприятия обсудили широкий круг вопросов, связанных с теорией и практикой судопроизводства в России, а также императивами концепции справедливости (человеческой, судебной, высшей), обусловленными культурно-историческими особенностями развития российской государственности. Так, Н. С. Бондарь представил свое видение судейской профессии как особого вида деятельности, как призвания и как судьбы. Кроме того, Николай Семенович, поделился соображениями относительно традиций богословской философии и ее связи с отечественным конституционализмом в контексте мировоззренческой системы судебного поиска правды и справедливости в обществе.

В. В. Гриб (заместитель секретаря Общественной палаты РФ, заведующий кафедрой конституционного права МГИМО МИД России, заслуженный юрист РФ, академик РАО, д. ю.н., профессор) высказал мнение относительно соотношения концептов «справедливое общество» и «справедливое правосудие» в юридическом континууме.

Х. И. Гаджиев (доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, судья Европейского суда по правам человека в период с 2003 по 2017 гг.) выступил с сообщением на тему «Право на справедливый суд: практика ЕСПЧ и национальные механизмы обеспечения».

Старший научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель главного редактора журналов «Российская юстиция» и «Судья», к. ю.н. Е. А. Поворова представила доклад по теме «Конституционная ценность справедливости в правосудии».

А. И. Сидоренко, ведущий научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,

к. ю.н., обобщил судебную практику по делам, связанным с исками прокурора о признании сделок недействительными.

К. О. Поломошнова, преподаватель кафедры конституционализма Южного федерального университета, рассказала присутствующим о значимости квалифицированной юридической помощи, с точки зрения обеспечения состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе.

М. Д. Айрапетян, специалист Центра судебного права ИЗиСП при Правительстве РФ, рассмотрел в своем сообщении проблему исполнимости судебных решений (как гарантии справедливого правосудия).

А. И. Овчинников, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ЮФУ, иерей, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, руководитель Секретариата регионального отделения Международной общественной организации «Всемирный Русский Народный Собор» в Ростовской области, д. ю.н., профессор, поднял актуальный вопрос о роли справедливости в судебном познании в части поиска и достижения такой справедливости.

Е. С. Смагина, заведующий кафедрой гражданского процессуального и трудового права ЮФУ, д. ю.н., доцент, подробно изложила участникам круглого стола дискуссионные аспекты объективизации категории «справедливость» в цивилистическом процессе.

Э. Э. Баринов (заведующий кафедрой конституционного и муниципального права РГЭУ (РИНХ), член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, к. ю.н., доцент) совместно с доцентом той же кафедры О. В. Капрановой дали оценку справедливости в контексте ее трактовки как нравственно-этической и формально-юридической характеристики отечественного правосудия.

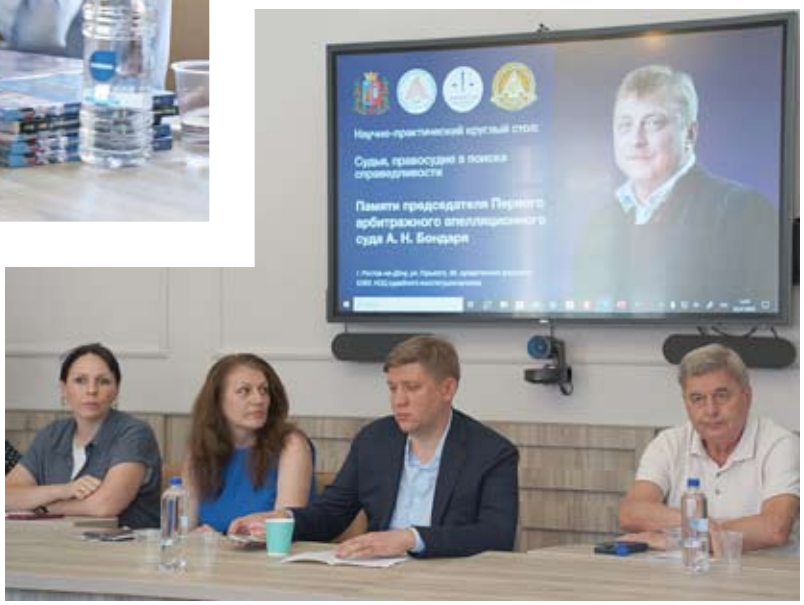
Н. В. Джагарян, доцент кафедры конституционализма ЮФУ, д. ю.н., доцент, представила обзор нетипичных источников судебного правоприменения, а также их места и роли в системе российской юриспруденции.

А. П. Жуков, доцент кафедры административного и финансового права, и. о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса, заместитель директора юридического института СКФУ, к. ю.н., выступил с сообщением на тему «Судебное усмотрение при освобождении от административной ответственности при квалификации деяния как малозначительного».

В целом, разговор получился обстоятельным и многоплановым, несмотря на трагическое событие, послужившее поводом для проведения круглого стола. Проблема обеспечения и защиты справедливости в сфере правосудия в наши дни стоит особенно остро, прежде всего в связи с турбулентностью социально-политической повестки дня во всем мире и, в частности, в сфере международного права.

К. О. Поломошнова,
преподаватель кафедры конституционализма
Южного федерального университета

ФОТООБЗОР ВТОРОГО ЭТАПА (В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ) КРУГЛОГО СТОЛА **«СУДЬЯ, ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ (ПАМЯТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕРВОГО АРБИТРАЖНОГО АПЕЛЛЯЦИОННОГО СУДА А. Н. БОНДАРЯ)»**



Адрес редакции:
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, п. 22.
Тел.: +7 (863) 241-37-43.
E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, **https://sputnik-nauki.ru**

Главный редактор — Д. В. Нефедов.
Корректор — П. В. Багров.
Оригинал-макет — издательство «Спутник науки»

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Спутник науки».
Сдано в набор 20.03.2026. Подписано в печать 31.03.2026. Формат 64x80/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 8. Тираж 100 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций